

Вилена Смирнова

ЗАПУТАННЫЕ НИТИ



РАК: УМЕРЕТЬ НЕЛЬЗЯ ИЗМЕНИТЬСЯ

Вилена Смирнова

**Запутанные нити. РАК:
умереть нельзя измениться**

«Издательские решения»

Смирнова В.

Запутанные нити. РАК: умереть нельзя измениться /
В. Смирнова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838648-0

«Об этом не принято говорить как есть. Рак — это табу. Смерть с ним ходит за руку. С ним принято бороться и быть героем. Или умереть героем. Мне нужно другое. Первопричина. Знание. Онкология — мой жесткий разворот. Красная штрафная карточка. Все предыдущие предупреждения для меня не сработали. Это последнее. И нет у меня времени на героизм, веру в кого-то или во что-то, борьбу и разочарования, размазывание саможалости и оправдания своей глухоты. Мне нужно услышать тишину внутри себя. И это все».

ISBN 978-5-44-838648-0

© Смирнова В.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
До. Повседневность	7
Счастье-счастье, радость-радость	7
Ну, здравствуй, медицина! Это я	9
Успеть успеть	11
Настоящий смех – когда смеются лопатки	13
Инструкция по обращению со мной	16
Территория вины	17
Отпечаток диагноза	19
Про статистику	20
Прочая статистика	21
Я не Бог, я мама	22
Про пользу соцсетей	24
Про торг	25
Как изменится моя жизнь?	26
Про благодарность	27
Про ожидание чуда	28
Этническая принадлежность	30
Онкология – болезнь богатых, и я туда же	32
В кругу «рецидивистов»	34
Про тех, кто намерен жить	37
Сила в противоположности	39
Не закричишь, не избежишь	41
Клетка, вышедшая за свои пределы	42
Я тебя не отдам	44
О помощи тем, кому хуже	46
Про вдохновляющие примеры	50
Про опору, колею и шаг в неизвестность	51
В отвесном падении	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Запутанные нити РАК: умереть нельзя измениться

Вилена Смирнова

© Вилена Смирнова, 2017

ISBN 978-5-4483-8648-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Я когда-нибудь все расскажу —
Был бы слушатель этих новелл,
Я, возможно, трактат напишу,
Даром разум опять не у дел?

Напишу, захлебнувшись от слез,
И от слов, что застряли давно,
Расскажу без сопливых грез,
Когда будет мне все равно.

Все уловки и страхи ума
Запрягаю в работу сейчас.
Пусть батрачит теперь на меня,
Дабы вышел отменный рассказ...

Знаю, в этом ответ не найду
Знаю, сколь бесполезна борьба,
Потому и начну, и пойду,
Чтоб и это ушло без следа.

Не участвовать, а созерцать —
За границы ума спешу...
Про свое как чужое опять
Я когда-нибудь все расскажу.

До. Повседневность

Счастье-счастье, радость-радость

Это началось давно. Не знаю когда. Судя по медицинским исследованиям, опухоль растет 6—8 лет. Никто не скажет, когда это началось. Каждый знает, когда это началось лично для него. Обычно люди говорят – жизнь разделилась на До и После. Я помню день, когда в мою жизнь вошел диагноз. Хотя он еще и не был озвучен, он вошел.

Жизнь до диагноза и с ним по сути такая же. Отличия в эмоциях, состояниях, суете и действиях-действиях. Сразу появляется много действий. Сразу образуется какое-то упиханное делами расписание и бесконечно-тревожная спешка.

Но главное отличие: тебе с ним *не все равно*.

Не все равно, как ты закончишь жизнь.

Не все равно, что ты теперь ешь, и в каких продуктах больше антиоксидантов.

Не все равно, о чем ты думаешь и по какому поводу катаешь истерику.

Не все равно, что круги под глазами темнее сегодня.

Не все равно, насколько быстро придут в себя близкие, и ты сам.

Не все равно, что ты успел до того, как оказался в этой точке.

Не все равно, как пройдут следующие месяцы-годы твоей жизни.

Вдруг оказывается, что много вещей ускользало.

И еще выходит страх, оказывается ему тоже не все равно. Он есть всегда, но ты его по-обычному заболтаешь, задействуешь, засуетишь, залакируешь и много всяких «за».

А тут он с ноги открывает дверь и появляется. Как знатный помещик прокатывается по своим угодьям – он хозяин и ему не все равно. Проникает везде, накрывает, сжимает, давит, холодком в солнечном грозит. И тебе не все равно, сколько он будет тут главенствовать. Ты не сможешь поделить с ним пространство и мирно сосуществовать. Он – вернувшийся из-за границы барин, и здесь все его. Границы разума, за которые ты его ссылала годами, рассыпались. Их больше нечем укреплять.

Отлично помню этот день, был китайский новый год. Незадолго до этого попался мне замечательный Андрей Андреевич Дуйко, основатель школы «Кайлас». Тибет, мантры, учение и все такое. Как-то увлек он меня – совпало тогда.

И была такая чудесная у него мантра-присказка: «Счастье-счастье, радость-радость». Вот с этой присказкой я ложилась, вставала, и очень забытое состояние «а—просто-все хорошо» вспомнило дорогу ко мне. И готовим мы по рекомендации Андрея Андреевича маленькие записочки для китайского нового года, и кладем их в серебряный мешочек.

20-е февраля 2015 года. Китайский новый год – и пусть все будет так, как я написала.

Кроме прочей ерунды про «еще одну квартиру в моей собственности», положила записочку «*Снова съездить в Перу*». Хотела, знала, стремилась туда после первого путешествия. Не знала – как оно получится и когда. Т.к. ни возможностей, ни денег, ни перспектив. Забегая вперед – именно эта записочка «сработала». И как сработала! Знала бы я, когда писала...

20.02 2015 ГОДА

*«Здравствуй, Ж***, новый год (китайский)!*

У меня рак. Жуткая злость. Шока нет. Отрицания тоже. Я не Не верю, что со мной так может быть. Верю. Может быть все, что угодно.

Верю и в то, и в ЭТО.

В принципе, мне глубоко по фиг, во что верить.

Я вне себя от ярости.

Это кто там, умный такой, решил изменить мою жизнь на 380 градусов?!

Я только вошла в это «счастье-счастье, радость-радость», я не согласна менять это на умирание в больничных стенах!!

Я боюсь. Не умереть, а умирать, делая вид, что живешь и «борешься».

Я не понимаю— мне это ЗАЧЕМ?»

Свою опухоль я знаю давно, года полтора-два. Бугорок в груди обнаружился сразу в том виде, как есть сейчас. Позднее врачи спрашивали меня – а чего тянула-то, растила? Не знаю ответ – не растила, она сразу была такая и сейчас такая. Меньше не была, больше тоже. И не тянула вовсе, просто жила. НИКОГДА не думала, ни секунды не смотрела в эту сторону.

А еще я себя «исцеляла». Вот как чувствовала, как умела, так и делала. Вся психология, медитативные практики, целительские методы – что знала, плюс что-то новое придумывала. Квантовое исцеление и энерготерапия, и эзотерика, и все до кучи. Изменений, правда, никаких. Бугорок на месте. Жизненная ситуация не двигается. Прорыва нет. Квантовый скачок не произошел. И самой идеи так и не постигла.

Вот как-то однажды устало ляпнула Дише: «У тебя не так много времени, чтобы определиться, куда жить...» Забеспокоился, напрягся – что случилось?

Да не сегодня случилось, это так – есть и все. Вот, говорю, есть такая штука. Я ее работаю-работаю, а она никак... Надо наверно чем-то приложить-намазать. Впервые тогда произнесла: «Это, конечно, не рак, меня бы за такое время не было уже, да?»

Дишка согласился, киста, мол, или что там еще бывает. На следующий день поволок меня на УЗИ.

Ну, здравствуй, медицина! Это я

Приехали в какой-то мед. центр по договоренности. Врач – узист бодряком выскочил, карту попросил заполнить. «Карта больного» бумажка называется. Приплыли – добро пожаловать!

Бодряюсь, шучу. Как говорит один мой знакомый доктор, нет здоровых – есть не-до-обследованные.

Прошли в кабинет, где он пытается расспросить, что же меня беспокоит. А ничего не беспокоит. Нет, ну если по существу, то предназначение мое во Вселенной непознанное беспокоит. А так... Деньги еще, точнее их исчезновение в нашей плоскости жизни, ...беспокоят.

Симптомы, спрашивает, были? Ну как ему ответить... Симптомы – нет, знаки – да. Особенно в последние полгода информация какая-то лезет про народные средства, психосоматику, метафизику и открытия открытий в вопросах рака. Это ж не симптомы для официальной медицины.

А как про это говорить... Где-то года два назад Лялька моя заваливается домой в слезах: сон, говорит, приснился, что у тебя рак.

Просит, рыдает:

– Мама, ты проверься, ладно?

– Да здорова я, у меня все под контролем. Я же *работаю* с этим – уж свои-то энергии я *знаю*!

– Точно? Ты уверена? – прижимается ко мне, всхлипывает как в детстве и затихает.

В интернете настойчиво попадаются статьи-материалы про альтернативное лечение рака. Хочется отдернуть руку, но жмешь ссылку и читаешь. Зачем?

В первой нашей амазонской экспедиции познакомились с женщиной. Жили в джунглях, в соседних хижинах. Она лечение от рака проходила растениями.

Как расскажешь, что «симптомы» были кругом? И как я настойчиво шамана допытывала – с какими показаниями, какая вероятность, можно ли на крайних стадиях – вдруг кому-то полезным окажется. Симптомы...

Долго Айболит возюкает аппаратом, вглядывается, хмурится, потом болтать начинает. Встаю, одеваюсь. Начал про родственников – у кого, мол, было?

– Ах, так ведь Вам тяжело наверно об этом вспоминать?

Да нет, это я не потому торможу, что мне тяжело – у меня мысль в другую сторону пошла.

Про наследственность отвечаю:

– По линии маминой мамы – да, было. Но я в другую степь уродилась – в папину. А там только истерики и психопаты.

Пытается ободряюще хихикать. В глазах скрываемая тревога. Про Песочный аккуратно спрашивает.

– Знаю. Была как-то по молодости на маммографии. Все тогда в порядке оказалось... 20 лет назад.

– Ах, ну так если Вас Песочный не пугает... Давайте-ка туда – быстро пишет какие-то фамилии, явки-пароли.

Лучше пообследоваться, говорит, чтобы уж наверняка знать. Знать – ЧТО? Я держу в руках свою «Карту больного» и хватит бодриться.

– Вы мне давайте прямо так – Вас что-то смущает?

– Да.

– На что похоже?

– Ну, знаете, лучше не гадать, поедете во вторник, Вас встретит вот этот человек, все расскажет, ответит за руку, куда надо. Все сделаете, и можете жить спокойно. Он Вас прямо к профессору *** отведет на консультацию. Это очень грамотный профессор, докторскую защитил. Ну... не дешевый, конечно, но ведь здоровье-то... Сами понимаете.

Последним предложением он все испортил. Тоскливо как-то стало сразу. Нет, не про «платить», всегда платим втридорога, особенно, когда про здоровье. Сами понимаете. Просто как-то не туда сразу пошло, мимо что ли. Выкинула бумажку с явками-паролями на выходе из центра.

Сделала в этот же вечер маммографию. Кто сказал, что двигаться к своему диагнозу, можно азартно? Я говорю. И, подобно ищейке, взявшей след, атаковала аппарат заодно с милым пареньком. Закидала его вопросами, когда будет готов снимок. Обещал через 2 часа.

Он вынес снимки в холл, как и обещал. Слегка потупившись, тихо сказал: «У Вас были хирургические вмешательства? Это рентгенолог спрашивает». «Нет, – говорю. – Ничего такого». Попросил пройти к врачу в кабинет. Деликатно так, с сочувствием. Иду. Азарт растет – след верный.

Доктор внимательно рассматривает свежий снимок и задает тот же вопрос про операции.

– Операций у меня не было. А что там?

– Видите ли, тут есть измененный участок... это надо понаблюдать... Это бывает после проведенного хирургического вмешательства. Но раз Вы утверждаете, что операции не было...

– Но раз я не могу утверждать обратного... – пытаюсь шутить. – Так на что похоже?

– Этот измененный участок похож на шрам. В целом, обратитесь к специалисту, понаблюдайте.

– Давайте я спрошу прямо: это похоже на ...рак?

– Это похоже на шрам.

Успеть успеть

Сажу в машине с Дишкой, собираюсь. Надо идти домой и что-то сказать маме. Надо в принципе куда-то идти и в принципе что-то сказать, и сделать, и успеть... Теперь в мою жизнь вошло это тревожно-гнусное «успеть». Успеть вылечить, успеть дожить, успеть *успеть*...

Меня накрывает волна гнева. Не просто гнева, а раскаленной белой ярости. Я со всей дури бью себя по коленям и начинаю рыдать. Даже выть. Громко и с чувством. И кричу. В замкнутом пространстве машины мой крик рикошетит от потолка и обрушивается мне на голову. И мне кажется, что он не закончится. У меня внутри много крика. Сквозь мою бессвязную речь про то, что кто-то за меня решил и «зачем», и «я ЭТО не выбирала», просачивается-проскальзывает один взгляд Диши. Я умолкаю, когда он с силой железными пальцами стискивает мое колено.

– Я тебя не отдам – слышишь?! Не отдам – только живи!!! Я ни за что никому и ничему тебя не отдам!!!

Теперь кажется кричит он. На самом деле говорит он тихо и пронзительно, его слова гудят у меня в голове и в желудке. Но он кричит, потому что я не выдерживаю этой громкости. В области сердца какой-то клин вбивается-впечатывается.

– Я вытащу тебя – слышишь?! Только живи, умоляю! Я все смогу, только живи! Верись мне?

Я киваю, и мой крик закончился, будто испугался. Слезы хлещут как прорвавшаяся плотина. У меня оказалось много слез. И чувствую себя разделенной. Кто-то сидит и рыдает, а кто-то посреди черепной коробки фиксирует: «Что там? Шок-ступор, отрицание, гнев, вина... Ба! Да я перескочила две фазы горя...» И пока я рыдаю, этот кто-то размышляет, будет возврат к первым двум или сразу помчимся к принятию?

Диша меня уже укачивает, что-то быстро-быстро говорит, поправляет волосы, улыбается, обещает.

– ... у нас столько планов, маленькая моя. Как же так? Мы же столько еще с тобой собирались сделать, в стольких местах побывать. Ну как же? Мы обязательно будем там, где хотели. Это только начало, понимаешь, начало... Ты меня вытащила, я жив-здоров, и я тебя вытащу – я все смогу.

Да. У меня было много планов на *ту* жизнь. Я не знаю, реализуются ли они. Я теперь ничего не знаю. Я вижу, что мои планы резко скорректировались. И мне надо с этим согласиться. Или хотя бы сделать вид.

– Диш, я в негодовании. Мне отвратительно от того, что придется пройти именно так. Я реально не понимаю – я не давала согласия на такой способ. Это слишком. И я хочу знать – зачем мне так идти? За каким таким смыслом этот экстрим?

Диша убеждает, увещевает – мол, все еще непонятно, возможно, все еще не так как кажется.

– Ты же ведьма, – смеется, – все рассыплется, вот увидишь! Все не так... ну, сколько раз такое проходили. И это пройдем. Ну, значит, так надо.

А кто-то сидящий в глубине черепной коробки потирает руки: «Интересно-интересно, и куда это выведет?» И разворачивается усталая потрепанная ясность – все так.

Ляльке решено пока не говорить. Они с мальчиком собираются в театр, а потом уедут на дачу. Пока в ее жизни все будет как прежде.

Мама держится. Я знаю – это «пока». Оно угадывается в терпеливо-выдержанных интонациях. В сохранении невозмутимости лица и духа. В подборе слов и их аккуратной расстановке.

Слова в этой ситуации вообще, как хрустальные: их не берут и не подбирают – к ним прикасаются. Их едва передвигают и смотрят издалека – как они там на той дальней полке смотрятся? Пока.

Я держу интонацию. Не обрушиваю свое внутреннее знание. Уже не кокетничаю с ожиданиями. Мне с ними сейчас тесно. Буду гнать.

Мама спрашивает, почему я молчала об этом. Я знаю ответ, он какой-то неудобный и дурацкий в целом. Но другого все равно нет.

– Я очень не хотела вас беспокоить. Я вас знаю – вы бы стянули столько внимания и тревожности, что мне было бы не по себе. Я рассчитывала, что разберусь сама.

Мама только всплескивает руками. Рассказываю ей про «шрам», и она вдруг:

– Это ты сама себе в джунглях «операцию» сделала. С Аяваской своей. Вот и шрам.

Настоящий смех – когда смеются лопатки

Неужели так? Неужели это может быть так непостижимо? Наша поездка в Перу, наша захватывающая экспедиция в прошлом году показала не просто путь к себе, а дает еще и подсказку, чтобы знать и действовать в этой ситуации? Или наоборот? Мы были там, что-то открылось, а теперь вот это – жми по-полной?

Я не знаю и не хочу анализировать сейчас, что и в какой последовательности происходило и почему все это неслучайно. Меня прорвало от воспоминания, как только мама произнесла эту фразу про «операцию».

Опуская все – что привело нас в джунгли Перу, к работе со священным растением – Аяваской¹, как нам повезло попасть сразу на индивидуальное диетирование, а не на туристическую групповую церемонию, и многое другое – я еще раз прокручиваю ту церемонию Аяваски, где было так много показано и вынуто. И вдруг, спустя полгода, начинаю видеть глубоко – как развернулось это послание.

Это была церемония, завершающая двухнедельную работу. Следующий день – наш последний день в Сельве, мы должны были идти в поход в джунгли, к притокам Амазонки и посмотреть окрестности. Мы находились в предвкушении окончания диеты, последней церемонии и предстоящего похода. А еще дальше нас с Дишей ждал Тихий океан и две недели абсолютного счастья под нескончаемый гул волн.

У меня было так много вопросов на эту церемонию, что пришлось очень собраться и сформулировать основные – самые-самые. И третьим вопросом я ставлю: «Посмотреть, что у меня там с грудью и поправить». А помимо этого была совсем общая ситуация жизни и финансов, и проектов, и запутанностей. И по поводу этого я тоже ставлю вопрос – «Что идет не так, что нужно увидеть, изменить?».

Мы принимаем свои стаканчики из рук шамана, пьем. Он окуривает нас дымом мапачо² и когда вдувает дым мне в макушку, меня начинает сильно мутить. Я помню, как шаман запекает Икарос³, пытаюсь привычно зацепиться за звук песни – справиться с дурнотой, но не могу. Потому что в этот момент показалось, что я забыла как дышать. Еще чуть-чуть и паника меня захватит. Но в этот момент что-то изнутри начинает расширять грудную клетку – делаю необычно глубокий вдох, а чей-то голос комментирует: «Соппротивление – расслабление» И вижу, как грудная клетка расширяется до невероятного объема, упирается во что-то, похожее на картонный контейнер из-под яиц. И на каждый такой вдох ячейки контейнера распрямляются, а потом опять сминаются. И так долго-долго под звуковые команды я дышу – Аяваска учит меня дышать.

Дальше ловлю необычное ощущение в лопатках – там начинается вибрация и... смех. Это натуральный смех, который иногда можно почувствовать как сокращения диафрагмы где-то в животе. Но тут именно лопатки, и они смеются, «оглушительно» хохочут, вызывая вибрацию смеха по всему телу. И я начинаю смеяться в голос в этом энергетическом водовороте абсолютной совершенной радости.

¹ Аяхуаска – ayahuasca (аяваска, айяуаска) в Перу и Бразилии в 2008 году была признана культурным достоянием нации. В том же 2008 году решением правительства Перу лиана *Banisteriopsis caapi* (основной компонент церемониального напитка) названа национальным достоянием и признана растением – учителем. Правительство Перу заявило, что это растение обладает неоспоримой целительской ценностью и является одной из основ традиционной медицины коренных народов Перу. Источник: selva-amazonica.com

² Перуанский табак. Родом из Южной Америки, но широко известен как растение с сильным духом во всем мире. Шаманы используют Мапачо во всех церемониях Аяваски для очищения, защиты пространства и исцеления.

³ Икарос – специальные целительные шаманские песни, которые поют во время церемоний Аяваски. С помощью икарос шаман управляет церемонией, общается с духами, лечит пациентов.

Потом, после моего рассказа об этой церемонии, ведущий нашей диеты обратит внимание на то, как телом был показан истинный смех – смех-освобождение, смех всеобъемлющей радости, смех жизни. «Теперь ты знаешь, когда это настоящее – когда смеются лопатки»

Дальше было очень яркое путешествие-видение. «Голливудские» сцены разворачивались, сменяя одно представление за другим. Богатые декорации, музыка, восхитительные звезды, умопомрачительное шоу в режиме нон-стоп. Я была в недоумении при всем великолепии показанного – это что и зачем? Несколько раз торопила, просила перейти непосредственно к работе. Но театрализованное представление только набирало силу. Потом спросила: «Мне это сейчас зачем смотреть?» Ответ последовал моментально: «Тебе надо отдохнуть и расслабиться». Согласилась фразой – «хорошо, только не долго».

И сразу попала в театр масок. Там абсолютно все участники были в масках. И самый главный (как я поняла) постоянно меня преследовал. Я игнорировала его настойчивое внимание, потом уже конкретно «послала». Но он не унимался и предлагал стать то повелительницей миров, то владыкой чего-то более фееричного. Оттолкнув его, я нечаянно задела маску... Под ней не было ничего. Я заглянула в чернеющую пустоту. Мне стало жутко, и я быстро покинула это место, вскочив в какой-то вовремя подоспевший тарантас. На этом тарантасе мы пролетали как на американских горках какие-то сцены-картины-события. Я могла управлять тем, что показывалось. Так, когда мы влетели в какое-то подземелье, где обнаружили израненные человеческие тела в крови, я попросила двигаться дальше. И мы выскочили на поверхность. Мне нужно было мое внимание и энергия для решения «моих» задач.

А потом все неожиданно закончилось. Я увидела как то, что было роскошными декорациями, падает как старый забор, мигом стихла музыка, исчез блеск софитов, растворились остатки роскошных атрибутов. И за этим всем показалось сухое выжженное поле с кучей мусора и какой-то бытовой грязи. Я стояла посреди этого и откуда-то *знала, что это правда*, она такая.

Потом началась «работа», как я и просила. В процессе было несколько моментов, когда Аяваска подводила к определенному «пункту» и ничего не двигалось, несмотря на мои команды и призывы, пока я что-то не меняла в своем «поведении» или восприятии. Головой это было не уловить и даже не предусмотреть. И самое главное – при помощи ума, который слегка подзаткнулся и сидел где-то тихо, вариантов решения было не создать. Варианты шли как-то по-другому. После моих неоднократных распоряжений, куда двигаться и что решать-смотреть, ничего никуда не двигалось. И как только тело делало выдох, отпускало и *соглашалось*, махнув «рукой», процесс получал продолжение. Так Аяваска, не ломая, учила отбрасывать мое глубокое сопротивление и тотальный контроль.

Либо я просто находилась в каком-то сюжете, который было ни остановить, ни изменить – я видела себя, сидящую на столе в учебном классе, куда я (?) другая привела Аяваску-учителя для проведения занятий. Та я, которая сидела на столе, вела себя разнузданно, плевалась, грубила и даже на мой взгляд «быдлила». А мне, стоящей рядом с Учителем-Аяваской, было неловко настолько, что я своими руками готова была порвать это «хамское быдло» и распылить на мелкие куски. И чем непримиримее становилась я-другая, тем отчаяннее плевалась и бранилась я-сидящая на столе.

И вот когда я почувствовала, что церемония завершается, решила напомнить про свой третий запрос. Моментально ощутила себя внутри тела, в каких-то лабиринтах-протоках (как-то поняла, что это грудь), прошла по узеньким трубочкам-проходам. Все стало надтрескиваться, и я уже со стороны наблюдала, как оттуда фонтаном выливалась голубая липкая субстанция. Когда все закончилось и стало светать, я видела уходящий образ девушки, которую ранее приняла за Аяваску. Спросила вслед: «Это все?» и что-то мне ответило – «Пока все».

Наутро я рассказала Нолиссе и Миелю про церемонию, кроме процедуры исцеления. Нолисса, смеясь отметила, что от меня, вопреки моим представлениям, не требовалось проходить какой-то тяжелый опыт (почему я отказывалась что-то смотреть, экономя силы). Мне нужно было в какой-то момент именно согласиться, перестать рулить и контролировать процесс. Тем более, что эта территория мне никак не подконтрольна – пояснили мне. Осознание растения многократно превышает человеческое, оно не будет ничего объяснять, просто поведет туда, куда нужно. А по поводу меня-хамки, Нолисса спросила: «Разве это не то, что у тебя под тяжелейшим гнетом, в изгнании?» И я согласилась, что именно эта моя теневая часть никогда себя не проявляла. Ее нужно было просто увидеть. И принять.

Как пали несколько месяцев спустя «голливудские декорации» наших проектов, сошла пена с ожиданий-перспектив-прогнозов, обвалились, превратившись в бытовой мусор, масштабные планы вместе с вложенными инвестициями, слетели маски со статистов-партнеров и взгляд уперся в зияющую пустоту потерь, рассказывать смысла нет. Как и о том, что описанием правды саму правду не заменишь. А тело запомнило то, что было совершенно неподдельным – безраздельную радость, сияние энергии смеха, когда хохочут лопатки.

Инструкция по обращению со мной

Я собрала маму и Дишу на «совещание». Нечего тянуть и откладывать.

– Знаете, хочу вас предупредить – вас ждут непростые времена. Будет тяжело, и больно, и страшно. Есть то, что никак не будет подчиняться, а будет постоянно выходить из-под контроля. Будут ожидания результатов и наверняка длинные периоды, когда их не будет.

Кроме того, я не смогу гарантировать, что мое состояние будет ровным и бодрым. Скорее всего, я буду проходить разные этапы, буду проваливаться, могу быть несдержанной и попросту грубой, наверняка буду периодами отчаиваться, грустить и плакать.

Вы тоже пройдете свои фазы. Будет и фаза вины – сначала вы посмотрите на себя, потом начнете винить кого-то. Или наоборот.

Я хочу, чтобы вы были готовы. И... предостеречь вас в этом не могу – бессмысленно. Наоборот, пройти надо все «остановки», чтобы выйти в другое качество. Просто обратите на это внимание – не застревайте. Вины тут нет. Хотя будет очень хотеться ее куда-то набросить.

– То есть ты все себе решила, – всколыхнулась мама. – Ты себе все предписала, назначила и убеждена, что все у тебя есть? Так вот – и это я тебе говорю: ничего у тебя нет, никакой гадости нет и быть не может!

– Я ни в чем не убеждена – ни в том, ни в этом. ... допускаю все – может быть все, что угодно. Лучшее сейчас – обнулить любые ожидания. Убрать надежды, не мечтать и не делать вид, что это приснилось.

«Я не буду закрывать глаза на то, что уже есть. Я реально не понимаю, из какого перепуга в это вписалась...»

Но если у меня обнаружат рак, я хочу их подготовить. И дать инструкцию – как со мной обращаться, чтобы силы расходовались грамотно.

Первое, что сейчас будет мешать, – убедить меня, что все закончится хорошо. Ну... потому что ничего нет или потому что я сильная и все смогу... Сейчас это спасительное «хорошо» будет не к месту и только вытянет силы. Все закончится – это то, что я знаю. Когда-то закончится.

Дальше – апелляции к моей воле, разумности, удачливости и т. п. Я не смогу гарантировать, что все мои последующие проявления будут образцово-показательными. Не хочу, чтобы это причиняло боль моим родным, но настала пора, когда проявится то, что есть на самом деле.

Еще – моя ответственность. Или чувство ответственности. Я не смогу отвечать за их состояние и чувства. Как и они за мои. Мне придется поискать, где зона моей ответственности заканчивается.

И прямо сейчас я не знаю, за что я реально могу отвечать. Но не смогу регулировать свое поведение так, чтобы им было спокойно.»

– Мне сейчас тяжело, но вам наверно будет еще тяжелее. Я готова вас поддержать, но больше, видимо, не смогу решать за вас ваши проблемы и всех «выравнивать».

– А может уже и хватит? – голос мамы был металлически-уверенный. – Хватит за кого-то, займись собой и нечего тут о нас переживать. Ты – самое главное. Все с нами будет в порядке.

Похоже, я впервые в жизни себе *позволяю* быть... Просто *позволяю*.

Территория вины

Приехали в Мечникова. Знакомый маммолог-онколог задает сакраментальные вопросы: – Сколько выращивали? Что делали все это время? Почему не обратились сразу?

Говорю, как под сывороткой правды – все как есть. Не выращивала, а сразу нашла в том самом виде, как сегодня. Что делала – жила, как получалось, без оглядок на эту штуку. И сразу – это когда? И мне ужасно не хочется сейчас оправдываться-объяснять-обосновывать. Зачем? Какая разница? Я ведь здесь, и пытливые пальцы доктора выщупывают-выманивают-вымеряют то, что позднее будет вырезано.

– Я так понимаю, что Вы девушка сильная... тут 50 на 50. Определить это можно уже во время операции. Мы делаем срочную гистологию, если что-то находим, продолжаем операцию. Нет – значит зашиваем и отпускаем Вас.

Диша начинает деловито интересоваться, каким образом и насколько велики шансы, можно ли сделать гистологию сейчас и т.д.и т. п.

Разговор идет как-то в стороне от меня. Пожалуй, втыкаюсь я на ровненькой такой фразе доктора:

– Бывает, что уже на операции приходится удалить все. – смотрит на меня, ловит мое втыкание. – Вас спросить мы уже не сможем, поэтому Вы подпишите документы перед операцией.

21.02.2015 Г.

Я не знаю, откуда это прет. Но это реальное чувство вины. Хотя прямо никто не виноват. Однако есть подтекст, я его чувствую. Пытаюсь разобраться – туго. Это что-то такое: раз ты здесь, значит априори виновна. А мы теперь строго, но справедливо будем исправлять то, что ты натворила.

Это как вазу дороговую разбить в детстве – никто не убьет, конечно, но этот сокрушенный вид, с которым сметаются осколки... Или когда уколы пенициллина в детстве от пневмонии делали. Бабушка с медсестрой так про меня разговаривала: «Вот что натворила – третье воспаление легких!» И я готова была терпеть еще лишних десять уколов и не признаваться, что мне страшно, лишь бы «искупить», исчерпать, исколоть это дурацкое чувство.

И почему мне кажется, что на каждый вопрос от меня ждут извинений или обоснований? А у меня как раз нет подходящих. И сильно ли я вас всех подведу, если не объясню-не обосную то, что вам нужно услышать? И не принесу извинений? Кстати, в том же детстве я предпочитала отбыть в углу тройное наказание, но не извиняться. И на все призывы «Скажи, что больше так не будешь – и наказание окончено!» молча возвращалась стоять дальше.

А если сейчас – сработает? Больше так не буду... что? Больше так не буду жить, думать, чувствовать, решать, действовать, обманываться, бежать, падать, рушить, забивать на себя, придумывать несуществующее, оправдывать преступное, тянуть неподъемное, закрывать рвущееся? Просто больше ТАК не буду. И не извиняйте меня пожалуйста, я никого не подвела. Пока.

23.02.2015

Миелю.

У меня подозревают онкологию. Пока есть несколько дней, чтобы пересложит и пере-собрать свои картинки, хочу поделиться с вами одной штукой. Для меня как якорек осознания. А когда и как разложится, будет еще и фактическим «вещдоком».

Когда мы были у вас в Сельве, уплотнение в левой груди у меня уже было и довольно длительное время. На последнюю практику с Аяваской я поставила запрос об исцелении. И под конец встречи уже торопилась, «напомнила» :)), прошла прямо по каким-то протокам, видела, как что-то развернулось, надтреснулось и вылилось что-то голубое и липкое. И все собственно.

И тут я не сразу как-то дошла, когда после маммографии, меня позвали к рентгенологу. Он задал вопрос, был ли у меня шрам или хирургическое вмешательство. Нет – говорю. Спросила его – на что похоже то, что на снимках? Он повторяет – на шрам и послал к маммологу и делать биопсию. Только потом эта «странность» со шрамом как-то осенила :) Может это и было «хирургическое» вмешательство? Это реально.

Письмо Миеля:

Всегда лучше действовать чем объяснять))))

Таких операций у нас было много. Когда люди видели что из них выходит то, что диагностировали как онкологию. Так же выпиливали, выдалбливали, вырезали.

Я работал много с онкологией. На церемониях видел эти процедуры, как «воздушные пилорамки», плавно выпиливающие пораженные органы. Позже эту силу видел, как аяваска подходящая и проникающая в кокон. Ещё позже как поток энергии проникает и раздавливает другой поток и следом наполняет нужным потоком. Так же видел, когда она отказывалась лечить просто уходила.

Лучше всего начальные стадии и сразу после операции, если опухоль была большая. Аяваска в этом плане сильна.

Диагноз должен быть-было-но-почему-то-нет

Если будет по-другому мы возьмем вас без разговоров и всё уберем.

Миелю.

Та информация, которую «снимаю» я, именно так и выстраивается: сначала было, и четко идет, что есть, потом нет, потом разваливаются какие-то события, потом неопределенность.

Операцию назначили, 11 марта госпитализируюсь. В общем, 50/50. Гистологию сделают прямо во время операции по-срочному. И сказали так: если придет 100% ответ, что все в порядке, зашьют и закончат. Если что-то не так, то продолжат оперировать и почему-то сказали, что удалят полностью все – с лимфоузлами и т. п. Плюс один курс химиотерапии. Пока.

...я не знаю – у меня все внутри возражает против химии, если пойдет по такому сценарию... Я намерена отказаться от химии и приехать на Аяваску. Т.е. к вам я приеду в любом случае, но химиотерапию не хочу. Пока действую – перемешиваю и все стараюсь обнулить – любые вероятности.

Но блин, у меня конкретно злость прет – будто кто-то мои расчеты на жизнь решил поменять и мне нужно громко из глубины себя СВОИ планы заявить. Как-то не нуждаюсь я в борьбе и изнурительном пути-сражении за жизнь, чтобы прочувствовать ее ценность. Не пропадаю.

Отпечаток диагноза

Надо собраться с мыслями... Но мысли такие, что их компания мне неприятна. Я не хочу собираться в компанию с подобными. Лучше побуду без них.

Читаю, рою интернет. Ну, что там было про «лимон в 40 раз сильнее химиотерапии»? Сода, греча, масло с водкой, голодание и заедание... Все эти статьи упорно попадались на глаза до диагноза. Не читаю. Принципиально не читаю. Не могу – мозг взрывается. Внутри что-то подстегивает начинать что-то есть-пить-лечить-узнавать.

Я ничего не хочу знать, кроме одного – есть у меня рак или нет. Растворяю страхи-беспокойства, обнуляю вероятности, еще и еще раз обнуляю... Прохожу, продираюсь сквозь мутную толщу отвратительного чувства. Я даже названия ему дать не могу – не хочу. Опять и опять лезу-просачиваюсь – а что если есть? А что, если нет? Симорон, давай разгоним эти вероятности до охренительного смеха!

Моя жизнь изменилась – хочу того или нет. Шаблонно, стереотипно? да – она никогда не будет прежней. Есть-нет, отпечаток появился. Перезагружаюсь, две точки – смещаюсь или стараюсь сместиться.

Иду по улице и чувствую этот отпечаток. Ну вот как-то так, как когда день рождения – ты идешь по улице, люди не знают, а ты знаешь. И есть в этом что-то особенное. И здесь есть, только знак другой. Люди не знают, а ты знаешь. И хочется стереть, смыть этот отпечаток. И не знаешь как. Смотрю на улицу, людей, привычные магазины, деревья – ничего не изменилось. Для них. А для меня на всем этом отпечаток. Все так же, а у меня рак.

И теперь все мое путешествие склонно определяться этим? Он как фильтр – вы говорите, переживаете о ерунде, сожалеете об упущенной распродаже, беспокоитесь о техосмотре, волнуетесь, чем заплатить аренду, цены поднялись, на работе прессуют, отношения не те, мужиков не осталось, а которые остались, совсем не те и что с ними происходит? ...и много этих вполне дискомфортных вещей, которые стали комфортными. Люди любят заморачиваться.

А у меня рак. И это заморочка на всю жизнь. Я не смогу шелкнуть пальцем, уснуть-проснуться и понять, что это был сон. Или смогу. Не знаю, и это отвратительно – всегда знать, а теперь не знать ничего.

Про статистику

У меня на руках большой список анализов-обследований. Это для госпитализации. И анализы имеют свой срок годности, оказывается. Поэтому делать надо непосредственно перед операцией.

Среди прочих – анализ на генетические мутации. Такой, как Анджелина Джоли делала. И потом решила не рисковать – удалила все, что в опасной категории. Я не знаю, что сделала бы я.

Я знаю, что сделает медицина, если обнаружит в этих BRCA-1,2 мутировавший ген. Это закон. И статистика. Как-то это однозначно, а хочется вариантов. Даже самых фантастических. Наверно у такого анализа не бывает срока годности...

Кто он такой, профессор Семиглазов? К нему посылал узист. Смотрю ролики, читаю отрывки каких-то его работ. Великий медик, ну да – весь в науке. Еще и в практике. Что-то там про корреляцию срока выживаемости с применением химиотерапии и без таковой. Статистика. Там выходит, что с химией шансов больше. В среднем. А в крайнем? Выживаемость 5 лет – это хорошая статистика. Что потом – тебя нет для медицины или нет статистики? Закрываю ролик с Семиглазовым. Удачи тебе, профессор! Меня в твоей статистике не будет.

Еще забавно про излечившихся. Их нет. То есть, они есть, согласно 5-летней хорошей статистике. Но у медицины нет такого термина. Как в алкоголизме, бывших не бывает – есть ремиссия. Если повторно ничего не происходит, называют «стойкая ремиссия». А если не повезло и все вернулось – рецидив. А где статистика по «рецидивистам»? Они после 5 лет или после сколько?

Мне нужно другое. Совсем другое. Я не статистика, и не влыву в стойкую ремиссию. А тем более не стану «рецидивистом».

Я знаю, что онкология – мой жесткий разворот. И не буду бороться со следствием. Хочу причину, первоисточник – чтобы раз и навсегда.

А еще круче хочу понять, где я не так прошла, где жила не в тему. И куда мне разворачиваться? Судя по красной штрафной карточке, все предыдущие предупреждения для меня не сработали. Это последнее. И у меня нет времени на веру в кого-то или что-то, борьбу и разочарования, размазывание саможалости и оправдания своей глухоты. Мне нужно услышать тишину внутри себя. И это все.

Прочая статистика

У друзей-пацанчиков начиналось все как обычно – смеялись, шутили, выясняли «Кто у нас Ленин?». Сошлись на том, что девочки должны быть девочками и не хотеть ничего решать. И даже платьев новых не надо. Хотя...

Маняша привычно обращалась к своему драгоценному, мол, чем еще пинать-шевелить, чтобы уже расшевелился? А потом Диша так в проброс: «Да, действовать надо, или тебе такой пинок для ускорения придадут...»

– Мы чего-то не знаем? – игриво осведомилась Маняша в ожидании стопудово праздничных новостей. Ну, как-то среди тупых и монотонных и бесплодных трудобудней мы всегда за намеков на праздник.

И я сказала про все. Про подозрения и проценты, которые с 50 скакнули на 95. Про определения и статистику, частью которой мне предлагала стать официальная медицина. И про четкие заверения, что мне по благу вырежут все. И даже про женщину со шрамом тоже.

Была длинная пауза. Слишком длинная для того, чтобы что-то принять и слишком неуместная для того, чтобы что-то исправить. Что-то не люблю я эти паузы в последнее время.

– У ТЕБЯ?! – на протяжный вдох-выдох повторила Маняша.

Это «У тебя?!» я услышу еще несколько раз потом. Примерно с одной и той же интонацией, в которой все. Я и сама этот вопрос, как фантастический, внутри иногда переворачиваю. И совсем не потому, что со мной такого быть не может. А потому что не вяжется, не соответствует, не бьется.

Вот есть статистика по группам риска – ОК. Есть факторы, против которых не поперешь. И там, среди лишнего веса, наследственности, не-кормления грудью, диабета и парочки других, можно найти и список привычных, но канцерогенных предметов вроде освежителя для туалета или антиперспиранта, которые провоцируют рак.

Давайте про метафизику. Онкология – болезни обиды, да, все знают. При чем тут я?

Или вот в китайской медицине – опухоли относят к «болезням холода». А у меня ни конституция, ни привычные недомогания, ни пища, которую мы потребляем, ни разу не туда. А наоборот – к жару.

– Вот в чем прикол, – говорю, – не сильно эта статистка по группам риска подходит. В этих списках ничего моего не значится, ну или почти. Пойду без списков, как депутат-одномандатник.

Маняша убеждает меня посетить другого врача. Наверно да, сделаю. Зачем-то же профессор сказал на прощание: «И если вы захотите к нам вернуться...» Не захочу, извините, что-то не сошлось.

Заведу свою статистику – пользователя освежителя для туалета.

Я не Бог, я мама

Мама договорилась со знакомым врачом о консультации хирурга в Песочном. Так и попросила: «Надо в хорошие ручки». Хирург, он же заведением маммологии, не назначил по телефону конкретное время и сказал, что как-то я его там найду. Ну найду – так найду, наверно его там все знают.

С дачи вернулась Лялька. Я слышу, как моя мама ей что-то тихо говорит.

И только дочкин выдох в ответ: «У мое-е-ей? Мамы?...»

Потом захожу, дочь не поднимает головы. А я не знаю, что мне ей сказать. Как-то это неправильно.

Все, что я могу, просто молча ее обнять. Она плачет, тихо и безнадежно. Наверно дальше будут какие-то слова и что-то надо будет объяснить... Утешить ее сердечко, но не сейчас.

Сейчас – я знаю, что сейчас. Сейчас для нее гаснет свет, отъезжает платформа и мир встает с ног на голову. Сейчас ее догонит чувство потери защищенности и опоры. Сейчас она убедится, что я, мама, больше не великая волшебница, не фокусница, не маг. Потом объявится противное чувство вины. Его захочется оттолкнуть от себя и направить на кого-то. Потом, возможно, родится некая отчаянная претензия ко мне – как я могла и почему. Дальше пойдет липкий страх и начнется ее дорога – как это пройти?

Я сама плачу, уткнувшись в ее спину. Наверно что-то пытаюсь говорить вроде «Ничего, разберемся»... Но как же жмет сердце, прямо сердце-рулетик получился. Я первый раз знаю, что не могу уверить свою доченьку в том, что все будет... Мне больно от каждой ее слезинки, и обидно так, будто я ее бросаю. Да, я реально чувствую, что оставляю ее и больше не смогу защитить, закрыть, отвести.

Она кажется спрашивает, как давно я знаю. И почему я молчала. А мне тягостно и больно за нее.

И отчего-то чувствую себя беспомощной и ...неправой. Я боюсь, что она без меня не справится. И говорю, что ей сейчас придется быстро вырасти. И про себя говорю, и про свои руки, которые теперь будут не всегда. Но я постараюсь. И про то, что ее жизнь изменится. У нас всех жизнь изменится. Уже изменилась. И про то, что рано думать, к каким улучшениям это нас приведет, но приведет обязательно.

Я вижу ее, мою почти 25-летнюю доченьку, маленькой-маленькой. Там, где все и всегда можно было поправить и решить. Она знала – я знала, она чувствовала – я поддерживала. Мы все могли решить, у нее всегда была я. И она могла быть маленькой. Сейчас что-то изменится, но я этого не хочу – я не уверена, что сделала все. Наверно удерживаю ее от встречи с реальностью. Не могла, не допускала, чтобы ей было плохо. Амортизировала, снижала порог, взывала к быстрым и моментальным решениям. Даже ныть ей не разрешала. Есть проблема – действуем, очищаем, оставляем, трансформируем, вперед!

Как-то в одной из своих юных любовных драм, она сказала, что я ей даже пореветь не дала и пришлось звонить кому-то. А ей отчаянно хотелось навзрыд, но я по рефлексу – так, отставить, действуем! И вот это делай-раз, делай-два... – моя защита от ее боли. И сейчас у меня нет этого щита, и у нее щит в виде меня развеивается как иллюзия.

И да, дурацкое чувство – я сильно виновата перед тобой, доченька. Не знаю в чем. Но как-то не оправдала, и я не железная. И не Бог. Наверно не прослежу за тобой пристально. И не предвосхищу твой душевный дискомфорт. И манна небесная теперь точно не прорвется.

А то, что я тебе смогла этим событием предложить, мне самой не нравится. И я бы предпочла, чтобы ты тут и рядом не стояла. Но ты уже здесь. Как это отразится на твоей жизни, только предстоит узнать. И я не до конца уверена, что тебе это по силам.

Я бы не хотела испытывать твои силы *так*. Я боюсь причинить тебе горе, нарушить и не поддержать твои планы. И не смочь создать ту жизнь, о которой ты мечтала. Теперь все иначе. Мне придется тебя отпустить. И я боюсь разочарования. В тебе. В себе.

Про пользу соцсетей

Я не пользуюсь. Ну не то чтобы совсем. Читаю ФБ, к примеру. До недавнего времени нигде не имела аккаунтов и регистраций. На ФБ попала как-то случайно и оставила его для статей. ВК зарегистрировалась, чтобы быстро связаться с дочкой, когда была далеко от России. Да, и моя дочь считает, что если я хоть что-то там читаю или слушаю свою музыку, то уже пользователь. Хренопользователь.

Я не обсуждаю и не критикую тех ребят, которые каждый свой шаг сначала постят в соц-сеть, а потом его реально делают. Хотя мне это странно. И я не понимаю, зачем всей стране знать, что ты ешь в мажорном ресторане (критерий его «мажорности» тоже определяется сообществом).

Не могу постичь статусов о личной жизни – это слишком натянуто. Если нет статуса, ты не прописал на страничке, то что? Другие у тебя спросят? Зачем об этом знать другим? Но это так, если думать об этом. Я не думаю – не хочу.

Есть в этом и несомненная польза. Наверно. Это такая афиша, за которой можно скрыть все, что угодно. И образ создать такой, какой нужен. Сейчас, в этот момент. Или на вове.

Этим можно демонстрировать свою толерантность и социальную приемлемость. И ни с кем не воевать, и ни в чем не упорствовать (если это, конечно, не часть образа).

Если тебе хреново, можно накидать кучу жизнеутверждающих фоток с шариками и пузырями. И подписать что-то вроде: «Как прекрасна жизнь – во всех ее...» Или там не ладится в реальности (неважно что) – забить страницу псевдолозунгами о прекрасных прекрасностях своей работы/бизнеса/друзей/мужей/детей. Да, и еще Вселенной, это обязательно.

Ну или ладится, так можно раскрутить этот процесс сильнее. Можно свою афишу так усовершенствовать, чтобы самому аж захлебнуться от зависти. Тусовки, места, пафосные люди, хобби/интересы, но только чтобы все в тренде. Ты должен быть актуальным, регулярно апгрейдиться. Даже если в своей хипповской простоте. Тогда ты интересен. За тобой следят – без разницы зачем. Ты востребован как информационный повод, ты – всегда, ты – есть.

И вот сию я, такой антитренд...

Нет-нет, моя дочь может выложить мое фото в бикини на безлюдном тайском пляже, как это делают со своими мамами их трендовые дочки. И все будет ах-как-безупречно! И много чего могу показать, и офигительный рецепт на кухне исполнить.

А мне отчаянно хочется с кем-то просто поговорить. И тут же ни с кем не хочется. Я не знаю сейчас человека, с которым могла бы поговорить. Поэтому смотрю в сеть. Хочется, ну правда, громко так на капслоке – на всю сеть заорать: «Я не знаю, как жить с этим!!!! Научите меня, кто смог. Мне больно и никак. Я не хочу убивать своих близких тем, что я не могу найти силы жить!»

Не хочется. Громко или шепотом – не хочется. Это слишком свое. И вряд ли об этом будут знать многие, только единицы. Хочется просто поговорить, а я никогда не была у психотерапевта. И кто сейчас сможет мне помочь простым слушанием, простым приятием? Не хочу, чтобы это были мои родные – им слишком много. Не обременю этим Дишку – он должен верить. За двоих.

И как хренопользователь всех мыслимых соцсетей, остаюсь антитрендом.

Про торг

Я натягиваю картинку и пытаюсь в нее войти. Вот захожу домой, говорю маме: «Нет у меня рака!», и мама плачет. От радости. И я сама – легкая и безмятежная. Все позади – это было строго, даже грубо, но не про меня.

Биопсия еще не готова. Есть время. Или нет? Мне без разницы. Я продолжаю продолжать свое делание. Беру маятник, кубики – читаю актуальную информацию с себя.

Вопрос – ответ, или нет ответа.

Рак? – сначала да, после – неоднозначно.

Операция? – возможно, потом – строго нет.

Кубики работают на ближайшие события, неделю-две. Маятник можно спросить на год вперед. И он уверенно показывает поездку в Перу, как и отвечает про рак, которого нет. Маятник его не видит.

Приглушаю диалог, иду в медитацию. Беру по-прежнему целительские техники, работаю-работаю. Может, не надо работать? Просто идти с тем, что идет. Мантры и специальные обряды – мне годится все, чтобы вымешать эту кашу. Чтобы все развалить.

И надо пройти до края в любой вероятности. И я иду. А еще трудоемкий метод работы по ДНК – я вытаскиваю каждый день эти программы-шаблоны и что-то еще.

И это сегодня такой способ жить. Убрать все. Уберу, насколько смогу, насколько глубоко смогу занырнуть.

Если у меня получится, если ничего нет, я обещаю – я помогу миллионам женщин...

Ок, а если есть? Не помогу что ли?

Хитрый разум начал торг, и мне ничего не остается, как выйти в Наблюдателя. Посмотрю оттуда.

«Чем поможешь? Если все есть, ты не особенная, не уникальная – ты пройдешь все то же самое, что эти миллионы».

Вот-вот. Я не особенная, не уникальная, и я не помогу миллионам. Оставляю торговлю. Мне не выменять мое право на здоровье и жизнь. Мне надо его просто признать за собой.

Как изменится моя жизнь?

Читала истории женщин, «победивших» рак. Почему в кавычках? Да всегда в этом тексте есть скрытая речь про войну. Или борьбу, на худой конец. И рак – это «враг», подлежащий истреблению. Это удобно и понятно, когда есть «враг». А война совсем с другим происходит. И там выиграть не получится, там важно просто перестать играть.

Что объединяет эти истории? У всех женщин, которые прошли ЭТО, реально менялась жизнь, открывались таланты, проявлялись способности, утраивались достижения.

Ну вот Донцова – выжила с 4-ой стадией и стала писательницей. Другая девочка в интернете блог ведет – танцевать пошла, места в каких-то конкурсах занимала. Актрисы-певицы энергично и жизнелюбиво возвращаются в профессию и играют-поют теперь на 200%. Кто-то говорит о том, что жизнь стала яркой, ее раскрасили. Другие свидетельствуют, что столько открылось-осозналось... Публичные и непубличные люди в один голос говорят о том, что *рак изменил их жизнь*.

У меня не открылось новых талантов. Мне не захотелось танцевать/вышивать/плести макраме/рисовать/лепить котлеты по-маньчжурски и даже петь перестало. Я ничего не хотела писать и достигать тем более. Внутри засел ровно один вопрос – ЗАЧЕМ? И расцветка моей жизни не изменилась. Это не депрессия, не отчаяние. Просто снаружи ничего не щелкнуло, не прибыло, не свалилось. И внутри не озарилось, и счетчик «жизнь-так-коротка» не затикал. В моей жизни было все – и песни, и пляски, и книги, и таланты, и «меня так много» – в любом месте. А еще карьера, подвиги, харизма, «достигаторство достижений», культ меня – обожание и восхищение, ненависть, зависть и провалы. Все по максимуму. Моя жизнь никогда не была серенькой. Нет нужды ее раскрашивать. И у меня по-прежнему нет ответа на этот вопрос. Я вряд ли узнаю секрет тех, у кого изменилось. Наверно мне стоит научиться просто ЖИТЬ.

Про благодарность

Читаю где-то: «Благодаря своей болезни, своему раку...»

Да не благодаря ни разу! Ну не могу я его благодарить – не вижу, не понимаю, не осознаю. Поддаться на эзотерически-истерические возгласы в каждой строчке: «БЛАГО-дарю!!»?

Хочется, но никак... Не дарю я никакое благо, откуда? Откуда оно возьмется, если не благостно, что дарить-то? А кабы было, мне самой оно сейчас очень пригодилось бы. И на хрена кому-то или чему-то мои такие «подарки»? И раку моему зачем мое БЛАГО? Он от этих «благ» и так за столько лет возмужал и окреп. Из недостатка не дарят, из нищеты не благодетельствуют, из нехватки не делятся.

«За что я благодарна своему раку?» За то, что выкинула, выплюнула, вытошнила шизоидные идейки о всеобщей благодарности.

Про ожидание чуда

01.03.2015

Поехали за результатами биопсии. Сажу в машине, жду Дишу.

Как-то по его походке понимаю. Как-то по лицу читаю все, что написано в этой бумажке. Стараются ли он держаться? Еще секунда и будут слова...

– Ну, да... – говорит. – Но они сказали, что вот там женщина у них получала недавно... диагноз, тоже все нашли. Так уже вылечилась, говорят кандидатскую написала... Пожелали тебе здоровья. И сказали, что все будет обязательно хорошо.

Беру бумажку, читаю непонятные еще слова. Жаль. Не проскочила, не смогла. Не развалила эту картину. И этот опыт стопроцентно мой теперь.

Потом подумаю, просто помолчу пока. Нет ощущения несправедливости. Просто жаль. Очень. Профессор оказался прав. А я нет.

Он обещал доказать – и доказал. И к чему мне эти доказательства? Я бы предпочла другие. А теперь и вся медицина быстро выдвинет мне свои, проверенные практикой и статистикой.

А я? Кто-то сидящий в голове и уже не потирающий руки, с интересом молчит. А ведь недавно еще громко чирикал. Про победу, и про «все не так, как кажется», и про «Я-ЖЕ-ВСЕ-МОГУ!»

Значит, не могу. Или не все. Или пока не могу. А сейчас мне надо наладить отношения с этой машиной, которая уберет лишнее из моего тела. Я понимаю, что надо. Но прямо сейчас не могу.

Звонок Маняши выводит меня из размышлений о предстоящей «дружбе» с системой здравоохранения.

– Ну, как? Получили результат?

– Получили. Все да.

– Это точно? Что там написано?

Читаю термины и цифры-проценты. Признаюсь, что ничего не понимаю в этих формулировках про степень злокачественности. Уходим в паузу. И никто ее не хочет нарушать. И признать, что грустно от того, что чуда не случилось. В этот раз.

Маняша тоже отчаянно ждала чуда. И справедливости.

Я бы после этих результатов никуда не ходила. Хочется вернуться в кокон и там переждать. Все переждать. И ничего не решать-не делать.

Но надо ехать по намечаемой сделке к коллегам-партнерам.

Приезжаем на Староневский в гостеприимный офис моей коллеги. Что-то обсуждаем, о чем-то договариваемся. Только у меня как ватой уши заложены.

Надо собраться-включиться. Сделка обещает быть выгодной. Если все состоится, будет нормально. Деньги очень нужны.

Продавец дешевых квартир, кажется, торопит... Что-то там у него очередь из желающих выстроилась. Ну да, а у нас есть потенциальный покупатель, только добраться до него надо напрямую.

Моя коллега, директор агентства, ведет переговоры с продавцом. Я молчу – не могу из себя ничего выдавить. Да и как-то все без моего говорения сегодня обходится. Что там?

Сроки? Договор? На завтра? Бр-р-р... Я не знаю, что у нас завтра. У меня еще сегодня не наступило. Такое сегодня, как мне надо.

Кажется, этот суетный продавец со своим ажиотажным спросом начинает раздражать. Вступаю с трудом в разговор. Не завтра, а во вторник время «Ч». Если покупатель выйдет на договор. До вторника – никакого ажиотажа, никаких дефицитов. После – продавайте кому хотите. Вроде остыл. Прощается и отбывает, на минутку отозвав мою коллегу в сторонку.

Может, я ему доверия не внушила? Молчала, смотрела в сторону, потом только резко и глухо высказалась по поводу его спешки. Ну и что, какая разница? Ну, не произвела, у меня тут свое. И внимание из всех мест собирается-концентрируется в одной точечке. И в голове набат звучит – «нашли-нашли-нашли!!»

Я не смогу сейчас заниматься делами. Я не знаю, что и где буду делать во вторник. В Мечникова уже назначена дата госпитализации. Это через несколько дней. Но я не пойду в Мечникова, еще не все. Надо еще куда-то попробовать.

Коллега предлагает выпить кофе с конфеткой. И мне странно, будто это про другое. Вкусные конфетки ей откуда-то привозят. И я всегда с удовольствием угощалась. Сейчас тереблю фантик и понимаю, что не чувствую вкуса.

– Моя дорогая, – коллега обращается ко мне, видя мое «отсутствие» – почему Вы не берете свои любимые? Я для Вас специально берегу – вот привезли недавно.

– Ох, – очухиваюсь, пытаюсь улыбнуться. – Надо сладкое ограничить наверно... Думаю, лишняя ли будет вторая?

– Ну куда Вам ограничивать? Вы такая тоненькая! Наверно все на диетах сидите? Я как на Вас посмотрю, всем своим «девушкам» говорю – вот у нас пример для подражания и укор нашей совести. Ну, делитесь, что Вы такое едите или пьете, чтобы так выглядеть.

– У меня, Елена Арнольдovна, сейчас специальная диета. «Мир ушел из-под ног» называется. Сколько на ней пробуду – не знаю. Но никому *такую* не надо.

– Неприятности, да? Вы меня послушайте, не знаю, что у Вас случилось, но Вы обязательно все решите правильно. Вы такая, у Вас все получается.

Милая и мудрая Елена Арнольдovна. Я не знаю, как в этой истории *правильно*. Я всегда была слишком правильная и решала так. И все вокруг подумали, что это и есть я. Мой способ жить и действовать сегодня дает сбой. Я понимаю, что ничего в своей жизни больше не контролирую, ни на что не влияю. У меня в сумке лежит бумажка и жжет руки даже от легкого касания. В горле собрался ком, и я держусь за свое молчание, чтобы не зарыдать в голос.

И как там было в сказке «Золушка»? Это очень вредно, когда чудеса не случаются.

Этническая принадлежность

02.03.2015

Приехали в Песочный сдавать анализ на генетические мутации. Ну и на встречу с завод-делением попасть. Эти «хорошие ручки» будут удалять мою штуковину. Наверно.

Перед сдачей анализа попросили заполнить какую-то анкету. Вернее, ее заполняет девочка-медсестра с моих слов.

Задаёт общие вопросы про возраст и т.п., а потом спрашивает: «Ваша этническая принадлежность?» Я какое-то время молчу – то есть? В мозгу проносятся какие-то обрывки школьных знаний про этносы... Но ничего подходящего, применительно к себе не обнаруживаю.

– Какие у Вас национальные корни? Ну, в роду кто был, какие этногруппы?

– Ах, это... – киваю я с облегчением. – Всяко было... Хохлы, естественно. Да, и цыгане... были.

Говорю и тихо улыбаюсь, опуская голову. И вдруг замечаю, что девочка начинает старательно выводить в строчке: «Цыга...»

– Стойте-стойте! Это шутка! Вы не пишете это.

Мы переглядываемся с Дишей, прыскаем со смеху, а потом давимся внутренним хохотом. Девочка—медсестра смотрит с укоризной на нас и уносит мою анкету.

Анализ нужно было сдавать в старом здании НИИ онкологии. А на встречу с хирургом идти в новый центр. Во всяком случае, в старом никто про такого завод-делением с «птичьей» фамилией не знает.

– Позвони ему, – призывает Диша. – Спроси, где он именно находится.

Но телефон вне зоны. Занят, видимо, мой спаситель-хирург.

– Он вообще-то ждет или ты что-то перепутала?

Ничего не перепутала, сказал до 14 часов будет.

Едем в новый центр. И уже на подходе Диша тянет меня в какую-то дверь, мол, здесь.

«Приемное отделение» – читаю. Я одним скачком почему-то отпрыгиваю от входа в приемное.

– *Мне сюда не надо.*

И мы двигаемся к другой двери. Так и есть – вход в центр там.

Вижу много людей в масках. В гардероб большая очередь за талончиками. Много женщин в платочках, есть просто лысые.

Вот он – онкологический центр. И онкологические люди. И я сейчас примкну к этой тусовке. Почти профессиональное сообщество.

Это какой-то странный эффект, когда нечто особенное видишь в одном месте в большом количестве. Так было в роддоме, странно и смешно одновременно. Ну увидишь на улице беременную – раз или два. А так чтобы все... И ты ходишь среди них, разговариваешь с кем-то, и у них такие же животики. Это как-то прикольно.

И тут вспомнила, только отчего-то не прикольно. В Мечникова такого не было – там многопрофильно все. А здесь большая концентрация, и все про это.

Смотрю – девочка сосредоточенно завязывает шнурочки на ботиках. Сменную обувь что ли надо? Она в косыночке и бледная очень.

Вдруг вспоминаю, что мне в этом году паспорт менять.

– Как же... Диш... мне ведь надо паспорт менять, а я буду вот так? Без волос?... Как же это... Что за фотография будет?

Диша гладит меня по моим длинным локонам и пытается шутить:

– У тебя очень красивая форма черепа, ты знаешь? Голова совершенной формы – идеально кругленькая.

Я знаю, мне парикмахеры в салоне всегда говорили. Только мне не смешно.

«Потерявши голову, по волосам не плачут» – не к месту вспоминается мне.

При чем тут паспорт? При чем тут все? И как эта мелочь вдруг отравила все настроение?

Ха, так ведь химия отравит не только настроение – она отравит весь организм. И как они там говорят? Химиотерапия применяется с надеждой, что злокачественные клетки погибнут быстрее, чем здоровые. Что остается мне – разделять эти надежды? Это не мои надежды, у меня вообще нет надежд. Что есть – не знаю. Но чувствую, что надежда – уже не мое.

Онкология – болезнь богатых, и я туда же

У кабинета моего завотделением собралась большая очередь. Да, он действительно занят – на операции. Все ждут. Смотрю на совсем молоденькую девушку. Мысленно пытаюсь понять, что ее сюда привело. Пусть это будет эстетическая хирургия вроде увеличения бюста.

Наконец, хирург появился и прием начался.

Когда зашла в кабинет, по договоренности назвала пароль: «Я от Сони».

– Ах, да-да, звонили по Вам. Рассказывайте и давайте смотреть.

У меня на руках УЗИ, маммография и результаты биопсии.

Доктор смотрит бумаги, потом смотрит меня. Потом берет фломастер и начинает говорить.

Говорит, что можно сделать органосохраняющую операцию. Рисует сегмент, который нужно иссечь. И как-то все это практично, даже буднично. Немного отлегло.

– А это точно можно? – осторожно интересуюсь. – Почему-то в Мечникова сказали, что нужно удалить все со всеми лимфоузлами.

– Ну зачем? Сделаем аккуратно, – начинает подрисовывать еще линию в сторону подмышки. – Вы когда результаты по генетическому тесту получите, еще посмотрим. Если там ничего нет, вполне можно органосохраняющую. Не без исключений, конечно. Бывает, что уже в процессе операции видим, что сохранять нельзя. Размеры у Вас до 2 см – попадаем. Ну и если опухолей больше одной – однозначно удалим все. Лимфоузел увеличен, но это вследствие биопсии может быть. Пока то, что я вижу... позволяет.

Показывает мне на мониторе примеры подобных операций. Показывает швы у женщины, которые практически незаметны.

– А Вы зачем биопсию делали? – вдруг спрашивает.

– Так ...сказали.

– Я, знаете, не рекомендую делать своим пациентам. Или сразу перед операцией, не тянуть. Учтите, там все разносится кровотоком, поэтому операцию надо делать быстро.

У меня появляется еще один список необходимых анализов-исследований. Он обширнее предыдущего. И доктор ставит галочки там, где обязательно и там, где желательно. Для своих он очень рекомендует. Вот к примеру, остеосцинтиграфия – сканирование костей скелета. Это чтоб проверить метастазы в костях. Такое труднопроизносимое название, сама процедура – с введением радиоизотопа в кровь. Надо, так надо. Ежели для «своих» желательно... Туда же, в желательности, попадает и КТ легких, и полное недоверие флюшке.

По анализам добавились всякие свертываемости-развертываемости. Ок! Сделаю все.

Можно сдать-пройти здесь в Песочном, можно, говорит, сдать некоторые анализы в поликлинике.

Нет уж, увольте от поликлиник – никогда там не состояла, а сейчас тем более не то состояние. Чтобы состоять в этих очередях.

Сдам кровь в ИНВИТРО. Фото костей только здесь в Песочном. За деньги. Ну да, до этого момента все тоже за деньги. Вроде кости фотографировать можно и бесплатно, но люди ждут по году.

А мне нужно быстро. Как можно ждать год?

Я спрашиваю про стадию, в бумажке другие обозначения и написано не так, как обычно.

– Стадию мы определим на операционном столе. По состоянию лимфоузлов. Ну что – штука неприятная конечно. Будем Вас лечить. Вам нужно настроиться и делать все как надо.

О как. Даже стадию не знаю. И как это – как надо? Захожу с другой стороны.

– Я надеюсь, мы обойдемся без химиотерапии?

– Нет, ни в коем случае. Понимаете, Если бы Вам было 80, ну и... А поскольку Вы молодая, будем Вас лечить по полной. После органосохраняющей операции Вы получите курсы лучевой терапии, а потом химию. Это обязательно. Ну там посмотрим. Собирайте анализы, как сделаете ОСГ, приезжайте.

Уже на выходе просит еще раз глянуть на результаты биопсии.

– Знаете, Вам надо бы еще сделать HER Fish... Где Вы биопсию делали – они там развернутый не дают?

Нет, говорю, что просили, то дали. Этот HER можно заказать здесь. Говорит, что важный анализ. Без проблем.

Пошли в отдел платных услуг заказать этот HER. Оказалось, что стоимость его нехилая – 15500 р. Плюс 5 000 р. за уже сделанную биопсию. Плюс все предыдущее и последующее... Диша утешился одним фактом: какие-то забрюшинные исследования доходят до 180000 р. Это он в прайсе прочитал.

Это правильно выходит, что онкология – болезнь богатых? Ну, хоть здесь... слава тебе, приобщилась к богатству.

В кругу «рецидивистов»

06.03.2015

Накануне вечером позвонил странный человек. Пригласил на эту труднопроизносимую процедуру по просвечиванию костей. Говорил так вкрадчиво, нарочито вежливо, паузы делал. А суть сводилась к тому, что на сегодня была «группа». Он так это назвал. И мне предлагалось ее возглавить, как платной пациентке. Я согласилась с ощущением, что он что-то не договаривает. Такие интонации у него были. И вроде размышляет – сказать мне или «пощадить». Ну как-то так звучал. Как потом оказалось, любая «группа» бесплатных идет под предводительством «платников». Если бы я отказалась, эти люди, ожидавшие полгода и больше, ждали бы дальше.

Отличие «платников» от всей остальной группы в том, что радиоизотопное вещество тебе вводят первому. Сидишь все равно со всеми остальными положенные 3—4 часа в специальной комнате и «светишься». И еще одно преимущество – тебе отдают результаты сразу после процедуры. А «группе» – когда будет готово, т.е. «когда руки дойдут», так прокомментировали.

Взяла с собой тапки и две бутылки воды. Все, как велено. А еще книжку, чтобы не «дружить диагнозами» или «против всех». Сразу решила – буду такой автономист. Уйду в неприемный угол, чтобы без всяких этих лишних впечатлений. Или может меня и так отвергнут, как классово чуждый элемент. Потому что я за деньги, а они ждали.

«Дружба диагнозов» и просветительское просвещение начались еще на этапе нашей регистрации. Всегда найдется в группе такой человек, который знает все-все. И мало того, он за всех сделает все возможные выводы. И обладает самым-самым опытом, даже если не обладает. Он *осведомлен*.

О, слава вам, осведомленные от медицины люди-радио! Общая тревожность сначала нарастала, но по мере выступления осведомленной дамы как-то свернулась. Беспокойства метнулись в сторону ее разборок с пожилой бабулей, которая, по ее мнению, принесла не *те* тапочки.

«Осведомленная» принялась рассказывать широкой аудитории про другие тапочки, крайне необходимые во время этой процедуры. И долго сокрушалась, как же возможно этого не понимать... В это время пожилая бабуля продолжала завязывать шнурочки на своих полуботиночках и старалась не реагировать. На очередной «аргумент» компетентной дамы бабуля резко ответила: «Какое ВАМ-то до этого дело? Отвяжитесь от меня! И носите свои тапки, какие Вам нравятся.» «Осведомленная» резко съехала, покачав головой, и принялась пропагандировать другие нюансы предстоящего обследования.

В этот момент появился человек в халате и сказал приготовиться «по списку». Первой позвали меня. Головы аудитории по команде развернулись в мою сторону. Больше всех заинтересовалась «осведомленная». Теперь было понятно, кто тут кому кто... Дама быстро проинформировала группу, что меня, платную, поведут «без очереди», а они-де будут ждать, пока... Хотя что «пока» у нее так и не родилось.

После нас пригласили в какую-то комнату, оттуда уже непосредственно на укол. Я действительно пошла первая, но за мной без всяких ожиданий выстроились все остальные. В вену попасть с первого раза не получилось. Я предложила процедурной сестре свое запястье. Из-за этого на руке возникло две повязки. Когда в «светящуюся» комнату пришли все участники

процедуры, «осведомленная» мигом вычислила мое местоположение и без церемоний поинтересовалась:

– А Вам что – два укола сделали?!

– Ну да, я же платно, мне побольше положено, – не удержалась я. «Осведомленная» поверила и даже как-то всхлипнула.

Я присела на кушетку в уголок, пытаюсь слиться со стеной, и прикрылась книжкой. Рядом со мной присела та самая бабуля с неправильными тапочками. Она тоже не хотела «дружить» диагнозами. Но, чувствуя, во мне единомышленника, начала тихо разговаривать со мной.

Она аккуратно поинтересовалась, впервые ли я здесь и уточнен ли мой диагноз. Когда я коротко ответила, она вдруг оживленно переспросила: «Ничего не нашли?» Я ответила. Бабуля погрустнела и рассказала свою многолетнюю историю. Там было все: за 30 лет с первого диагноза еще несколько операций, ослабленное сердце, куча хронических заболеваний и полная нищета... Инвалидность дочки, ее мизерная пенсия и какое-то потрясающе-горделивое умение *выживать*.

Я спросила только: «Как же можно... так?» А она охотно делилась опытом покупки раз в неделю фруктов из некондиции, обуви из выбраковки, какими-то еще ноу-хау. У меня внутри замерло все, я смотрела на нее – сухонькую, маленькую, будто из папье маше. Я *не видела* ее живой, ни тогда, ни сейчас. Что ее привело сейчас, даже не стала уточнять, что-то она сказала про рецидив и про «подозревают».

– А что Вы читаете? Интересная? – громко вклинилась в наш разговор «осведомленная». Я показала обложку, а она деловито схватила за ручку, чтобы записать название.

– Я люблю почитать... только если не очень замудрёно написано, – хмыкнула дама. – Мы тут долго будем сидеть, я вот даже и кровать не застилала сегодня, приду – сразу рухну. – обращаясь ни к кому конкретному и ко всем сразу оповестила она.

На ее сообщение кто-то откликнулся вопросом: «А что, будет плохо после этого?» Дама с удовольствием начала повествовать, что в целом она-то не знает, но слышала... И что доза-то облучения микроскопическая, но кому как. И сразу после, уже обращаясь ко мне, она рассказала свою историю. Тоже с началом много лет назад. Я слушала ее, не вдаваясь в детали, пропуская ее деланный оптимизм и надежду на то, что «и в этот раз пронесет». Ее такая деловитая собранность, мол, врач отправила, надо пройти, а тут удача! (это что группу назначили внепланово), ее почти будничной настрой «как-за-хлебом-сходить» – все это, и лица сидящих людей, и их такие похожие истории, вдруг кольнуло и разлилось отчаянной пустотой.

В разговор включилась самая молодая женщина из присутствующих. Спокойно и ободряюще обратилась к своей соседке, охающей и вздыхающей в каких-то точках рассказа «осведомленной».

– Вам, видимо, иголкой такой протыкали? Да-да, обычно так, когда щитовидка...

Соседка смущенно кивнула.

– Не удивляйтесь, я здесь уже пятый раз, все прошла, все по кругу...

Вот они – «рецидивисты». Вот они, выбросы за-пятилетней статистики. Их кто-то видит, учитывает? В основном, люди пожилые. Та, которая ободряющая, лет 48, ее вздыхающая соседка примерно такого же возраста. Я медленно вглядывалась в лица этих людей, вслушивалась в царящую тишину, изредка нарушаемую громкими замечаниями «осведомленной», адресованными теперь к телевизору у меня над головой. Телек работал без звука, но осведомленная дама умудрялась подметить и обсудить все происходящее на экране, пытаюсь привлечь и меня. По праву доверительности – историю-то мне рассказала, значит можно.

Что прошли эти люди, чтобы вот так безнадежно оказаться здесь спустя много или немного лет. Каково это – попасть в этот адский круг, именуемый «смертельный диагноз», вырваться или увериться, что вырвался, а потом оказаться снова в лапах хищника. И то, что они провели эти годы «на стреме», я не сомневаюсь. Как и в том, что сегодняшнее их состояние далеко от привычно бодренького оптимизма. В их лицах усталая обреченность. И еще покорность.

Взглядом выхватываю опытных «рецидивистов со стажем». Есть женщина, сидящая у двери, и пара мужчин, довольно пожилых. У них такие «привычные» лица. Они знают все.

Женщина у двери сердито начинает перебирать свою сумку внушительных размеров.

– Хоть бы предупредили, что сегодня столько времени здесь сидеть, мы бы поесть взяли что-то. А то только про воду сказали...

Никого из нашей группы еще не вызывали, т.к. в помещении находятся люди из более ранней группы, еще человек 8 не прошли.

Эта женщина начинает рассказывать кому-то про то, как ее «гоняют» по разным докторам. И про то, что столько лет она доверяла своему врачу, а теперь оказывается, что ее лечили «неэффективно». Говорит, что была на подобной процедуре, рекомендует выпить красного вина сегодня. На чей-то вопрос она со смехом отвечает, что онкология вообще имеет свои преимущества. Можно, мол, себя баловать чем-то вкусным и питательным вроде дорогой рыбы и икры.

Бабуля в «неправильных» тапочках тихо усмехается. «Доехать бы до дома сегодня, какая там рыба» – тихо бормочет она.

Когда народ из первой группы весь вышел, я решаюсь на странный эксперимент.

– Ребята, – обратилась я громко к присутствующим. – Мы все уже устали от долгого сидения. Давайте немного разомнемся и поднимем себе настроение?

«Ребята» не спешат реагировать, посмотрела на меня примерно половина из сидящих.

– А что делать-то? – это уже моя «осведомленная» подхватила эстафету.

– Есть такая почти детская игра, «33» называется. Нам для этого надо встать в круг, – говорю и сама встаю.

А что? Может, эта невинная разминка из тренингов и покатит сегодня. И именно здесь. Абсурд к абсурду.

«Ребята» начинают вставать и смущенно занимают места в круге. Сидеть остались те «опытные» мужчины, женщина с большой сумкой и еще пара человек.

Объясняю правила, призываю быть внимательными на счете. Еще раз повторяю, что числа, кратные 3 и оканчивающиеся на 3, мы не произносим. И требую, чтобы на этих числах участник подпрыгивал. Именно подпрыгивал и хлопал в ладоши. «Ребята» удивлены, слегка смущаются, но никто не спорит. Начинаем. Первая цифра 3 выпадает на меня, и я молча хлопаю в ладоши и резво прыгаю. Поняли. Но уже на числе 13 участник ошибается, и мы начинаем сначала в обратную сторону. Напряжение заметно спадает, слышатся смешки и комментарии про то, что мы так до утра прыгать будем. К концу упражнения на цифре «33» мы переходим в дружные аплодисменты, все улыбаются, кто-то кивает, поняв хитрость этого действия. И тут меня как раз приглашают пройти в аппарат.

Про тех, кто намерен жить

Вечером того дня, когда делали ОСГ, чувствовала себя прилично. Приехали родственники – вроде 8-е марта отмечать. Мы действительно купили красного вина, я выпила грамм 50. И все было как-то... обычно предпразднично. Как бывает в начале весны и чего-то удивительно нового.

Изменения начались на следующий день. Сначала появилась одышка. Потом она усилилась, перейдя в откровенное затруднение дыхания, и мама начала делать мне какие-то ингаляции с чем-то и чем-то, от чего дышать становилось на короткое время легче. Появилась слабость и ощущение горячего и тяжелого чего-то на всю область грудной клетки и лопаток. Тяжелая такая плита.

Приехала Лялька – навещала маму своего погибшего друга. Мальчика не стало летом прошлого года, как раз когда мы были в Перу. А несчастный случай с ним произошел до нашего отъезда. В результате падения с мотоцикла он сильно пострадал, перенес несколько операций, и врачи ввели его в искусственную кому. Удивительно как, но я была «на связи» с ним и пока он был в коме, и после, когда он уходил. Тогда после его операций, несмотря на тяжелое состояние, шла информация о том, что угрозы для жизни нет. Позднее врачи подтвердили, что с последствиями операции и осложнениями он справился. Мы уехали, и я передала через дочку эту информацию для его родных. Я его видела в абсолютно ровном золотистом свечении.

И вот, уже в Перу, в какую-то момент вдруг возникает образ этого мальчика. Он улыбается своей неповторимой улыбкой и так, чуть смущенно: «Я ухожу, ухожу...» Вроде как он засиделся в гостях и торопится дать хозяевам отдохнуть. Я вижу его четко в голубоватом свете, вдруг понимаю – куда он уходит и, кажется, кричу: «Нет, подожди, стой!» А он, также стесняясь, показывает – все хорошо, не беспокойтесь. И растворился. Наутро подумала – что это было? Наверно вспомнила, вот и образ появился, стряхнула свою догадку.

В этот день мы потихоньку включили телефон. Единственный раз за все пребывание в джунглях. Там было смс-сообщение от Ляльки: «Сегодня ночью С. умер».

Помню как пошла к Нолиссе, рассказала ей все. Сказала, что *видела его уход*. Но ничего не смогла сделать. Разве так может быть? А Нолисса подтвердила, что то, что я вижу – так и есть. И если с мальчиком уже была установлена связь, он действительно вышел на контакт. Точнее, его душа. А здесь, когда мое восприятие тонкое и чистое, все проходит без преград.

И долго еще меня терзал этот человеческий вопрос несправедливости и нелепости. Как так? Ведь его показатели были показателями *жизни*. Тогда почему? Нолисса сказала тогда, что это – выбор, и он такой. Выбирает не разум. Поэтому и ответ искать в плоскости разума не стоит. Много позднее у меня появилось осознание – почему он так выбрал.

Мама этого мальчика, нет – не сдалась, она просто остановила все внутри. Остановила свою жизнь. И это стало ее выбором. Она не стала обманывать себя на тему жизни «ради» и «вопреки». Не обернулась с мантию героизма и мужественности. Она не захотела оставить свое горе в стороне, и живет с ним. И честно не ищет ответ на вопрос – зачем жить? И я ее глубоко понимаю. И принимаю ее выбор.

Именно она дала бесценную информацию, когда моя Лялька рассказала, что у меня происходит. Дочь приехала от нее и передала название растения, которое подавляет раковые клетки.

И вот я, перекопав сотни страниц, форумов и отзывов, чувствую внутренний отклик – такое тихое «Да» и нахожу девочку-фитотерапевта, которая специализируется в лечении онкологии и сама заготавливает это растение.

Но происходит странное. Моя благодарность за нужную информацию и уважение к выбору этой сильной женщины, мое внутреннее знание о растении, быстро найденный фитотерапевт – это все где-то в стороне. Я лежу перед компьютером и не могу себя заставить нажать кнопку, чтобы заказать препарат. У меня ужасное физическое состояние, я задыхаюсь, чувствую дикую слабость, но и это не основное. У меня полное безразличие к жизни, подавленность и игнор всего, что ее составляет. Я не хочу и не могу себя заставить сделать что-то, чтобы жить.

В уме крутится недоуменное: «А что произошло? Я ведь не проваливалась, да было тревожно, но эмоционально я была в тоне. Что со мной случилось за одни сутки?» И как-то своевременно думаю о маме погибшего мальчика: вот она не лукавит и не заигрывает с жизнью, может и мне – честно и без реверансов? Я не вижу никакого смысла в этом барахтании, тогда – зачем?

Отодвигаю компьютер, закрываю все «окна» – решу потом. Но встать уже не могу – дикий спазм блокирует то ли вдох, то ли выдох. От паники начинаю приседать – нужно сделать вдох и выдох, но это сейчас непостижимая вещь.

Мои вызывают «Скорую», пока я нахожу малюсенькую лазеечку в дыхательных путях для воздуха. А в голове вопрос: «Ну что, жить-то как? Дышать-то хочется?» Ирония в том, что когда перекрыта возможность хотя бы сделать вдох, у тебя нет вопросов «Зачем? В чем смысл?». Твой организм совершит невозможное, чтобы выжить.

Приехавшая в ночь «Скорая» после исключения всяких эмболий, выполненного ЭКГ и предложения ехать в больницу, а еще предметного изучения моего КТ легких, постановила, что это – результат той самой процедуры. И что моя реакция – это накопившееся в крови радиоактивное вещество. Вот и все.

А уже потом я случайно прочитала, что эмоциональные симптомы, которые я испытала – угнетенность, подавленность и безразличие к жизни – нередкие следствия применения лучевой и радиотерапии.

А я-то почти всерьез поверила, что это я отказываюсь от жизни, а не какой-то изотоп мне все так извратил.

Сила в противоположности

Миель, Нолисса, приветствую вас!

Ну что – пока проскочить не получилось. Биопсию все-таки сделали, результат уже получили – все нашли. Прошла еще ряд обследований, к хирургу поедем уже во вторник со всеми результатами.

В принципе до недавнего времени меня ничего не беспокоило, несколько дней назад появилась одышка, затруднение дыхания и ощущение «плиты» в верхней части спины от лопаток. Там горячо, даже чувствую как горит. На КТ грудной полости выявили очаг в левом легком, но это может быть последствия трех пневмоний (в т.ч. очаговой), перенесенных в детстве. Пишут локальный пневмофиброз под вопросом.

Делала еще такое исследование скелета с введением радиоизотопа. Один очаг умеренного накопления РФП в районе левой ключицы определили. Сказали, что на метастазы не похоже, но естественно отправили к врачу для составления полной картины.

Теперь по действиям. Я пью растения, что привезли от вас. Приехать к вам прямо сейчас в срочном порядке у нас не получится. Мне нужно продержаться. Возможно, я соглашусь на операцию, но на химиотерапию – однозначно нет. Мне тут пришла информация про такое растение – болиголов. Много случаев исцеления. Знаете такое? Это растительный яд, хочу начать его принимать по схеме Тищенко (он практиковал еще с 90-х годов). Курс составляет порядка 240 дней. В общем, не прощаюсь.

Миель:

«С растением не знаком. Принимай чучуаши без перерыва по схеме.

Сила в противоположности, а так же в усмирении и контроле всех 4-х стихий в себе. Часто сильный находит свою силу, знание, понимание в слабости – в противоположном.

Смертельные болезни обычно стоят на грани перемен или конца. Все к чему прикасается смерть наделено силой. Выйти из таких передряг – значит стать лучше, сильнее, осознанней.

Суть в самом процессе выхода. Чем сильнее давление, тем интересней процесс. Всё в кавычки.»

А я-то все истерическим вопросом задаюсь: «Мне это на фига? Какой в этом высокий смысл?» А оно вот что... знаю – даже если сейчас прямо не вижу, куда меня это выведет, то потом-то... Наверно.

Ну, не удалось мне в этом порулить в своей обычной манере, как в ресторане – это буду, это не буду, такой путь подходит, а вот такой – НЭ надо.

И свою реальную Силу предстоит достать из того, чего смерть касается...

Сразу вопросы появляются. Как работать со стихиями внутри себя? Какие-то определенные практики? Прошу у Миеля разрешения приехать вдвоем, чтобы Диша меня сопровождал и помог. Сейчас совсем не знаю, как будет состояние, как буду после операции. Как оно вообще все будет?

«Практик нет... стихии – это тоже слова для понимания. Толтеки говорят – обрести волю... тоже слова. Этим можно овладеть... просто зная об этом. Стихии в нас жить не могут... и всё же)

Практика по-другому. Мысли. Действия. Слова. Привычки... Сразу с места не отходя от текста... копать от последней буквы и до Эльбруса)

С приездом ок, без проблем. Поселю в отдельные хижинки. Инструкции выполнять придется чётко и многому переучиться, что время зря терять. Связь с внешним миром на всё время не существует»

Не закричишь, не избежишь

Не закричишь, не избежишь, не зарыдаешь,
Когда коснется смерть, и край когда.
Меня своей любовью укрываешь,
Как будто наступили холода.
Укутаешь, упрячешь, словно в кокон,
Своих откуда-то сейчас возникших сил.
Простишь себя, растопишь лед замерзших окон,
Погасишь рвущихся напастей пыл.
Задернешь занавес, когда от страха слепну,
Зашепчешь, заболтаешь, заглушишь,
И не отдашь на волю бешеному ветру,
Обманешь, развернешься, защитишь.
Придумаешь, схитришь, слукавишь,
И примешь этот вызов с шутовством,
Не закричишь, не избежишь, не зарыдаешь,
Воспламенив все внутренним огнем.
Нет ничего в твоём непостоянстве,
В терпимости терпения больше нет,
Но страсть твоя придумывает танцы,
И пляшет этот свой кордебалет.
Пусть так, я буду знать, что мало
На все-про-все, и времени в пути,
Пусть так – из слабости достала
То, что должна была давно найти.
Пусть так, и непрерывным многословием
Ты перекроешь мой тревожный гул,
И милой чушью, сотканной любовью,
Ты защитишь меня от тяжких дум.
Ты принял – я приму с любовью,
То, что пока не в силах объяснить,
Ты отпустил – я отпущу с тобою
Все, что мешает полно жить.
Мне кажется, я так не выбирала,
Но ты мой странный выбор подтвердил,
Своим теплом укутав для начала,
Затем и силой это закрепив.
Любимый, я тебя благословляю,
Твой свет, что чуду проторяет путь,
Благодарю тебя и прославляю,
За то, что был, за то, что есть, за то, что будь!

14.03.2015 г.

Клетка, вышедшая за свои пределы

Где-то читала, что раковая клетка – это клетка, вышедшая за свои пределы.

Да, на фоне того, что иммунная система слегка сходит с ума и перестает различать «своих» и «чужих», эта мутировавшая клетка творит полный беспредел. Создает свою собственную сеть сосудов. Делает вид, что ей неизвестен механизм апоптоза – естественный для любой живой клетки. Она умеет подстраиваться, изображать воспаление, чтобы стянуть все силы иммунной защиты на укрепление своих позиций, она беспрестанно делится, вовлекая и захватывая близлежащие территории. Нарушает мыслимые границы, словно их нет, и для нее их реально нет. Она прекрасно приспосабливается к тому, что ее атакуют. И даже когда от нее избавляются жестким хирургическим методом, она умудряется оставить «преемников» для продолжения своей миссии.

Так вот. Есть такие люди. Такие люди, как эти клетки, вышедшие за свои пределы. И сколько бы ты ни знал об их способе жить – паразитировать и использовать всех вокруг, сколько бы ни утешал их «жертву», сколько бы ни насыщал их горе-страхи впустую, столкновение с их истинной природой будет отчаянно неожиданно и резко.

И пусть будет твой вопрос, пусть будут тонны обоснований – «Вы что, не видите сами, что творите? Вы – кто, чтобы говорить о какой-то справедливости или благодарности? Что вы знаете об истинной благодарности?» Им пофиг, они правы, они не видят, им должны, они требуют. И даже своим мнимым «благоденствием» умудряются взнести себя на пьедестал, стянуть «эмоциональные сосуды» окружающих для беспереывного питания своей токсичности.

А ты, долго или не очень, тянешь и «благодетельствуешь», проникаешься и одариваешь, потому как им-то не дано... И в этой своей снисходительной «щедрости» – ну мне-то что, от меня не убудет – формируешь устойчивую привычку для всех. Ты – всегда понимающая, мудрая, все-за-всех растолкуешь, они – всегда в нехватке, всегда с требованием – дай, развлечения, отвлечения, порешай, измени, приведи состояние в норму. И эта привычка – удавка для обеих сторон. И моральная выгода одновременно. И все будет сохраняться так, пока в один день они не оборзуют настолько, чтобы ты наконец *увидела*. И это видение они тебе прямо с треском на башку обрушат, неся попутно ахинею про то, как кто-то кого-то когда-то не поблагодарил или не поздоровался. И повод уже не важен, они будут переть на тебя своими железобетонными конструкциями, своими беспонтовыми умопостроениями и ведать, как оно «правильно-на-их-взгляд». И что имели полное право оскорбиться и не просто чего-то не дать, а еще и обосновать это со свойственной захватчикам страстной беспардонностью. Поэтому – как на привозе, встал – торгуй и торгуйся, или вали с привоза.

А ты, разрываясь от накотившей ярости, захлебнувшись в истерике, вдруг разглядишь не то, что они и как они, а что ты тут делаешь? И кто эту ситуацию создает и держит? И кто что-то пытается бесконечно поправить? И главное – тебе-то это зачем? Ты всерьез решила, что сможешь докричаться и достучаться про то, что у них ни разу не про любовь, а про жизненную проституцию? Что они не имеют понятия о том, что произносят, и потому кричат особенно громко? Как водится.

Нет.

Просто пришел острый момент, когда нужно сказать «нет». И если до того ты все еще работаешь на поддержание образа себя, то тут – слава тебе! – нашлись помощники этот образ разобрать по деталькам. И все совпадает – ты со своей текущей уязвимостью, они со сво-

ими транспарантами. Но ты больше не можешь, не должна понимать, приветствовать, утешать и наслаждаться их взоры-уши-души. Чуть позднее обнаружишь, что можешь спокойно оставить им все, с чем они упорно таскаются. Просто вынуть все свои опции заботы, поддержки, теплоты, участия и назиданий из непростого замороженного чьего-то. Пусть сами – без опций. Ну и ты, без вселенской нужности всем и каждому. И твой перфекционизм с неизбывными побуждениями «непрерывно чтобы все и всё» захлебнется прощальной песней.

Вдруг мигом обнаружишь свои границы. Вдруг ясно и однозначно отбросишь всю образность – и свою, и чужую. Выйдешь из берегов, пойдешь в разнос – для профилактики и поновому для себя. Внятно и четко покажешь направление выхода – и физического, и психологического. И очень бережно отнесешься к своему вниманию – куда оно вело и направлялось долгие годы. И ты от этого была также при сомнительных «дивидендах».

А теперь у тебя другое, теперь проявляется все, и в самом гипертрофированном варианте. Чтобы видеть, чтобы знать, чтобы убрать лишнее. Совсем. И чтобы каждая сдуревшая клетка знала свое последнее место.

Я тебя не отдам

Сколько б ни было слов, не сказать мне тебе,
Сколько б ни было снов, не увидеть во сне,
Сколько б ни было песен, не будет такой,
Самой главной моей – про мою любовь.
Ты проник, растворился, и меня растворил,
Ты возник, сотворился, словно двери открыл,
Ты мельчайшей частицей в каждой клетке моей,
Ты собрал по крупице все, что в жизни важней.
Ты учил и учился, углы заострял,
Ты молил и молился, меня заслоня,
Ты не полз и не падал – нес меня на руках,
Ты за грубую правду не рубился впотьмах,
Ты окутывал мягко, всю нежность даря,
Ты сражений не вел, отступая не зря.
Лишь потом разглядела то, что сердцу дано —
Ты весь мой до предела, мы с тобою одно.
Ты мое отражение, то, что где-то в тени,
Ты мое наваждение под покровами тьмы.
Ты мой солнечный лучик, что не режет глаза,
Ты таинственный ключик, что не против, а за...

И однажды сложилось – без тебя не живу,
Не дышу, не люблю, не играю, не рву,
Нет ни войн, ни побед без тебя, ни слов,
Нет ни дня и ни ночи, ни ярких снов.
Моя песня сложилась, как молитва внутри,
Все, что нужно, случилось, все есть – смотри,
Я в пространство кричу, разрывая струну:
«Я тебя не отдам, я тебя сохраняю»

*Я тебя не отдам, я тебя сохраняю,
Я скажу всем ветрам, накажу я огню —
Я тебя не отдам, не отдам никому....*

И мой мир, вдруг притихший и сошедший с ума,
От того, как нелепа моя война,
Разорвался от крика, от твоей мольбы:
«Я тебя не отдам, слышишь, только живи!»
Мой любимый, родной, я так верю в тебя,
Твоя сила и радость во мне всегда,
Нужно много пройти, чтобы все разглядеть,
Мне опять повезло – повезло успеть.

Я с тобой, за тебя, за тобой везде,
Проползу, проплыву, полечу к звезде,

И на Марс, и на Солнце, и на край земли,
Ни один край не страшен, куда б мы ни шли.
Было горько и больно, был заход в пике,
С меня битв довольно, я иду налегке.
Я тебя призываю – будь храбрым и пой,
У нас много заявок на счастье с тобой.
Стану плавной рекой я, и все обогну,
Растворю, унесу, не пущу ко дну,
Удержу, успокою, и силы верну,
У тебя научусь, верь мне – я не сверну.
Я тебя неустанно благодарю,
Просто будь, будь со мной. Я живу. Люблю.

О помощи тем, кому хуже

Ко мне приехала девочка-знакомая моей Ляльки. Попросила о консультации. Просто поговорить. У ее мамы обнаружили онкологию.

– Я не знаю, как себя вести, что говорить... как пережить это все... – тихо начинает она. – Мне нужно ехать к маме, там папа, но он, похоже, не помощник сейчас. Тоже в ужасе. Мама внезапно почувствовала ухудшение, у нее практически нет сил. Она проходит какие-то обследования, и не верит, что у нее это...

Я слушаю и слушаю эту девочку. Примеряю-уточняю свои ощущения. Как отзывается, как формулируется. И понимаю, что это не главное. Это первый случай в моей жизни, когда я могу сказать – я такой же человек, и все это такое же мое. Это не психотерапия, не консультация – что-то другое. Я готова отдать. И это не просто «взгляд сверху» и объективное наблюдение. Это такой опыт, который рождается прямо сейчас. И он для меня новый, и слишком индивидуальный. Я не могу знать, что из этого подойдет всем. Учебник точно не напишешь.

– Это нормально, так и есть. И то, что чувствует мама, и то, что чувствуешь ты. И поведение папы – вполне естественно. Все изменится, дальше будет чуть-чуть по-другому.

Девочка спрашивает меня, нужно ли убеждать маму в «правде»? Нужно ли настаивать на каких-то срочных действиях, нужно ли влиять на ее настрой?

– Знаю одно – надо дать *возможность* прожить все, как есть. Это самый роскошный подарок, который близкие смогут сделать. И себе дать такую возможность. Просто взять и позволить.

Стремление куда-то бежать и срочно что-то делать. Влиять, убеждать, настаивать, упорствовать, уверять, приводить примеры. Это все на первом этапе – щиты. Потому что очень страшно. И очень больно. И вот этим «влиять и менять» мы склонны защищаться. И не позволить себе глубинных проявлений. Это большая ложь. Она потянет кучу маленьких. И так далее.

– А о чем говорить можно? Вот с Вами можно говорить о диагнозе, да и обо всем... А с мамой – не уверена.

– Не говори о диагнозе, не говори о болезни. Говори о том, что чувствуешь. Пытайся озвучить, что чувствует мама и спроси у нее – так ли? Не жди, что сразу «угадаешь», или она прорвется эмоциями, или в принципе захочет говорить. Нужно время.

Знаешь, в этом всем самое паршивое на первых порах от близких и друзей услышать, что все будет «зашибись». И еще узнать миллион сто тридцать семь вдохновляющих примеров про то, как люди заболели и вылечились. У каждого в мозгу будет стоять жесткий блок: «У меня другое и мне плохо».

Лучше, если бы кто-то умел спросить в нужный момент: «Насколько все плохо?». Лучше, если бы в ответ на твое сообщение кто-то сказал: «Это жесть. Это не про тебя. Мне больно.»

О чем можно говорить? О жизни, о ерунде, чуть-чуть о том, что дальше. Но в контексте обыденности.

«Надо летом побольше огурцов таких законсервировать». И это все не с целью отвлечь или переключить внимание – его не переключишь. Это так, в проброс, доставая банку с полки.

Или вот: «Слушай, там распродажа остатков коллекции летних шлепок, может возьмем? Чтобы на море съездить... Ты же поедешь на море силы набирать...».

Можно делиться, можно обсуждать, можно аккуратно доносить то, что снаружи, если надо будет находиться в больнице.

Про что это? Про жизнь однозначно. Да, кажется, что круг замкнулся, жизнь окончена. Или вот та, прежняя, закончилась, а какая будет – не хочется знать. И поначалу это реально

будоражит до ненависти. К тем, кто может также обыденно что-то продолжать. К тому, что все продолжает течь, а тебя уже как бы слегка нет здесь. И даже истории про то, как у кого-то изменилось восприятие и события после выздоровления. У меня это вызывало буйную ярость. Я просто ничего не хотела про это знать. Каждое такое слово резало как острый меч. Даже помню компьютер чуть не разбила, когда такая история попалась.

Еще про то, что бесит, и слишком очевидно. Тебя пытаются переключить, развлечь и выглядит это все натянуто и нелепо. «Ну, не будем про плохое... Давайте вот про редкие исчезающие виды белых морских тюленей – представляете, их обнаружили в Антарктиде! Целых два!»

Знакомые будут действовать по принципу «В доме повешенного не говорят о веревке», и некоторое время обрываться на полуслове в историях про онкологию, про чьи-то уходы. Либо противоположно – настойчиво и бестактно «рубить с плеча» правду-матку с назиданием. Мол, да, тот-то боролся-боролся, да не помогло, все от курения (от экологии, от жратвы, из-за жены/любовницы/тещи/начальника/правительства/Путина).

Я заявляю от лица диагностированного:

нам не надо про исчезающих тюленей. Вот так чтобы нарочито.

Не надо натужно пытаться «поднять настроение» с девизом: «а то как-то не то что-то».

Не надо невротически интересоваться нашими планами и ожиданиями. Когда время подойдет – скажем. Или не скажем.

Не надо выносить вердикты о вреде курения и закреплять гвоздями на лбу приговоры. Даже если этот приговор не озвучен – в вашем взгляде все можно прочесть. Повремените или уберите это совсем.

Не надо ссылаться обреченно на наследственность. Особенно, если у кого-то в роду по линии троюродного свата чьего-то брата когда-то что-то было. Это ни о чем.

Не надо закидываться далеко вперед – «Ну, мы с тобой еще на свадьбе твоих правнуков погуляем!» Будущее сейчас – это от анализа до анализа, от результатов до результатов. Это максимум завтра-послезавтра.

Под кожу лезть не надо тоже. Если разговор у «больного» про борьбу и ценность жизни не идет, пусть не идет. И если ему интереснее о своих котиках, пусть будет о котиках.

Не надо про то, как наука далеко вперед шагнула. И про новейшие методы/препараты. Наука-то, может и шагает, а «пациент» не двигается.

– Представляешь, смотрю – людям рекомендуют к психологу обратиться. И родственникам, и самому пациенту. А чтобы обратиться якобы за помощью, ему еще нужно помочь захотеть эту помощь получить. Или помочь увидеть, что он в помощи нуждается. Он-то считает, что нет. Если начинать убеждать, выстроит такое могучее сопротивление!

– А если она откажется лечиться? Она сейчас думает, что это все ошибка. Нужно же что-то делать, время-то идет... А я сама, кажется, заболеваю... У меня такая слабость...

– Откажется лечиться? Может. А если откажется жить? Или отказы-ва-ет-ся уже давно?

...

У меня был такой опыт, когда несколько лет назад Дишка тяжело и непонятно заболел. Чем хуже было его состояние, тем более зверски я врубала свое «делание». И за короткий период дошла до того, что начинаю испытывать все симптомы, что есть у него. Он с трудом дышал – у меня началась одышка и затруднения дыхания. Он слабел на глазах – я к вечеру еле могла пошевелить рукой. У него была страшная тахикардия – у меня сердце стучало в голове. Я подумала только раз – стоп! если я лягу рядом с ним, ничем помочь не сумею. Сопротивления у него не было – он был слишком слаб. И я каждый день делала то, что возможно было

делать сегодня. Читала, гоняла врачей с назначением обследований, искала методы. Но самое главное – научилась большой тонкости в оценке его состояния. И просто из-за его плеча что-то делала в унисон. Приносила ему в больницу книжки, открывала в любом месте и начинала читать. Если он мог стоять на ногах, даже проводила энергетическую чистку. Если он не мог стоять, включала тибетские чаши и просила его слушать. Есть тогда он мог мизерными порциями – не больше столовой ложки. И мы вместе радовались, когда он осиливал свой очередной «обед». Радовались всему, что было как в первый раз: смог пройти несколько шагов, смог свободно дышать, смог донести ложку до рта. Я не спрашивала его, хочет ли он жить. Просто сделала вид, что да. И этой новой жизни мы учились вместе. Я не заставляла его бороться или держаться. Я иногда говорила, что его улыбочка для меня лучшая награда. И он улыбался.

Тут начинается самое главное. Нужно сделать одну великую вещь – признать, что не все поддается твоему влиянию. И что ты не сможешь прожить или захотеть за другого человека. Даже за самого родного и близкого. Но можешь отвечать за свою жизнь. И свои действия. И влиять только на *свою* жизнь.

– Мама в отрицании, в депрессии – возможно. Ты начинаешь себя чувствовать плохо, искать похожие симптомы? Зачем направлять силы на то, что от тебя не зависит? Вместо этого ты должна стянуть все внимание вглубь себя. Ты отвечаешь за свое здоровье, за свой настрой, за свое состояние. Займись этим. Тогда ты сможешь помочь маме. Чем? Простым приятием, присутствием, участием, действием.

Понимаешь, лучше, когда кто-то не спрашивает, а действует. Действует в твоём поле.

Знаешь, вот у нас есть друзья, они каждый раз с полными сумками еды приходят. Первую клубнику несут, все, что мне можно из еды, в общем несут. С деньгами у них напряг, но они вот так действуют, не обсуждая ничего. И вроде это они просто «в гости не с пустыми руками» пришли, а реально так адресно заботятся. Я знаю, что моя подружка плакала навзрыд, когда узнала. Но она приходит ко мне со своей клубникой улыбаться. Чтобы я знала – тут ничего не изменилось.

И ничего не надо усложнять – напротив.

Если возможно, совершай простые действия. Поправить подушку, почитать или оказаться рядом, когда мама захочет поговорить. Это может оказаться в сто раз эффективнее, чем настойчиво ковырять кармические причины или диктовать необходимый перечень онкомероприятий.

– А что ей дать почитать? Есть какие-то книжки?

Я перечисляю то, что читала сама. В этой «компании» Лиз Бурбо, и Шварц с «Планом твоей души», и еще кто-то.

– Но видишь ли в чем дело... Тут никаких директив. Просто положи, чтобы ей на глаза попала. Пойдет, значит пойдет. Что пойдет – непредсказуемо. Или так вот, какую-то мелочь обозначь из того, что у тебя отзовется: «...тут интересное попало, хочу поделиться с тобой...» И посмотри – увидишь отклик, можешь почитать ей. Нет – значит нет. В принципе, пойдет все, что угодно. Хоть сказки, что в детстве любила или тебе читала.

– Я в растерянности, потому что и правда не понимаю, как ей помочь. Я не хочу на нее давить и призывать ее бороться, но мне ужасно от того, что я чего-то не сделаю.

– Сделай главное: разреши ей ВСЕ. Разреши ей просто быть.

И прямо так и скажи:

«Тебе можно все. В этой ситуации выбираешь только ты. А мы поддержим любой твой выбор, любое решение.

Будем учиться жить заново. И радоваться, если будет получаться жить.

Мы не будем душить тебя ожиданиями и тревожными взглядами. Мы будем рядом, когда тебе нужно. Будем незаметны, когда тебе захочется побыть одной. Обнимем, когда ты будешь плакать. Поймем, если тебе все захочется крушить-ломать. Выслушаем, когда ты будешь жаловаться и сожалеть о не случившемся. Восхитимся, когда ты снова будешь мечтать и строить планы.

Отвезем-привезем твои анализы, найдем лучших докторов, если ты решишь пойти дальше. Найдем денежки, чтобы твое исцеление произошло.

И еще мы договоримся о том, что мы все люди. Чье-то настроение и уверенность сегодня может захромать. Чьи-то силы на время иссякнут. Чье-то напряжение на мгновение зашкалит.

Мы не обещаем быть оловянными солдатиками, но гарантируем – не отвернемся и не свернем, не уйдем в сторону и не сделаем вид, что это не про нас.

А еще – уберем ложь и геройство. И будем жить»

Про вдохновляющие примеры

Когда-то давней зимой я попала в аварию. Машину вел отец, нас сильно занесло на повороте. На трамвайных путях мы оставили полподвески, я сильно ударилась о лобовое стекло головой. Почему-то еще и коленями, не знаю обо что, но болело сильно. От неминуемой встречи с фонарем спасло то, что мы по дороге к нему заглохли. Я была на седьмом месяце беременности. Все обошлось. Заплывший глаз, шишка на лбу и колени – не в счет. Ну и серьезное восстановление автомобиля. Однако ездить зимой с тех пор я не могла. В такси дрожала как осиновый лист, если машина начинала даже чуть-чуть елозить.

А тут наступила моя первая водительская зима. И мне надо куда-то ехать. Очень надо. И никого нет, кто бы сел за руль. И вот я бреду медленно к стоянке, как будто еду. Тренируюсь. И знаю, что опять не сяду за руль. А тут – ба! женщина за рулем «копейки»... Медленно так двигается, осторожно. Я остановилась и смотрю: знак ведь! *Она может – и я смогу*. Взяла машину и поехала. С того дня езжу каждый день, независимо от погоды и сезона.

...Я в онкологическом центре стою в очереди к своему зав. отделением. Прием идет, все, которые «ДО» – ждут, а по коридору ходят женщины – «УЖЕ» с такими баночками под руками. И тут одна очень приятная дама – «ДО» с дочкой подходит что-то спросить. Красивая такая, подтянутая вся, с современной стильной стрижкой. Спросили, идет ли прием и на месте ли наш зав. Да, да, все на местах, все идет, занимайте очередь. Она обрадовалась будто любимого артиста сейчас обнимет. И куда-то в соседний кабинет занырнула. Ей там что-то для госпитализации дали – бумажку какую-то. И она еще бодрее побежала. Радостная. И дочка ее так деловито-бодро шагает. А я уставилась на стрижку дамы – будет ведь химия, думаю... Будет парик носить вместо стрижки.

Ну что – *они могут, и я смогу*? Нет. Там не сработало.

Про опору, колею и шаг в неизвестность

Все слилось в один беспробудный день-период.

Мысли не выкатываются ни словами, ни буквами.

Со всех сторон обступила закрытость – делай свое дело, так спокойнее, так надежнее.

Контакты – по минимуму. Друзья-близкие не беспокоят лишний раз, потому как свое, да и тебя лишний раз не хотят дергать вопросами про самочувствие-настроение.

В вопросах настроения совсем немного разнообразия. Я будто замерзла изнутри.

Да, остаются эти обследования – исследования-анализы. Да, обязательные поездки в Песочный зачем-то там еще. И пока мы едем, я молчу и зябко кутаюсь, убирая ледяные руки в рукава. Я ненавижу эту дорогу и этот холод, мне мешает говорить давящее ощущение в груди. И понимаю, что вдруг с момента диагноза начала себя чувствовать *плохо*, очень плохо. Хотя до этого все было, как бы это... – бессимптомно.

Я принимаю растительный яд. Придерживаюсь строгой диеты, которая не только в компании с ядом, но и в принципе для моей ситуации необходима. Как только девочка-фитотерапевт выслала мне настойку, сопроводив рекомендациями по питанию «онкологических», я моментально изучила все возможные списки антираковых продуктов – по возможности все это добавила и, по необходимости, убрала все, что не по моему нынешнему статусу. Сахар и дрожжи, и мука в любых проявлениях, жареное, жирное – долой! Но почему в той же клинике я вижу жующих булочку с маслом женщин, и вижу на их столе кашу, обильно политую маслом и сахаром? Почему на мой вопрос, что еще, кроме химиотерапии мне порекомендуют, мне не рекомендуют ничего? И только смущенно улыбается хирург-онколог: «Питание? Настроение? Ну да это можно, хотя сильно ничего не меняет, но Вы должны настроиться на долгий путь и... на лучшее...»

А вот по поводу переноса сроков моей операции он в недоумении, даже в осуждении. «Какое число? Почему так долго? Я же Вас предупредил. Когда была биопсия? Вы рискуете».

Это я устроила этот перенос, мне нужно время для того, чтобы пройти курс болиголова. Я выкроила 37—38 дней, чтобы пройти эту «горку» от одной капли до 19 и вниз. Наверно рискую, странно, если бы я не рисковала, угодив в этот переплет изначально. И что-то внутри не дает поддаться на непреклонное «немедленно» и «как можно быстрее», а побуждает сделать шаг чуть назад. Что-то разворачивает сделать наоборот – не торопиться, а оглядеться, не глушить иррациональный страх, а пройти туда, еще глубже. Не бодриться и деланно веселиться, а быть в том, что идет. А идет заморозка чувств.

Страшно ли принимать настойку, зная, что это яд? Нет. Сейчас – это мой союзник, только так. Сейчас я учусь внимательно слушать тело и относиться к растению с уважением. Каждому из нас необходимо выполнить свою часть работы.

Миелю:

«Коротко о моих предварительных результатах в процессе работы с официальной медициной и другими методами.»

Госпитализацию я себе назначила на 21 апреля, а до этого с 16 марта решила пройти курс болиголова (это растительный яд, писала про него). Там по капле в день до 20 и вниз до одной. Естественно, в онкологическом центре меня уже определили по полной – операция-лучевая терапия-химиотерапия. Я операцию сделаю, хотя долго колебалась, не могла принять решение. Но никаких лучевых и химий проходить не буду. Фактически, растительный

яд – то же, что и химия, только в химиотерапии яды синтезированы и конечно рубят организм.

Так вот, на 26-ой день курса сделала УЗИ – опухоль здорово уменьшилась в размерах, практически в два раза. Привезла снимки к хирургу – говорю: есть радостная новость... А они – нет такого метода лечения :) И это – ни о чем, сослались на погрешность аппарата, разрешение снимка и т. п. Нормальная погрешность? – ушло более 1 см. Один вообще прочитал лекцию о токсичности растительных ядов и их влиянии на тромбоциты-лейкоциты, и это врач, который планирует меня «лечить» химиотерапией :))

Поэтому, конечно, на этом наш диалог закончился.

Представляю, если им рассказать про Перу и Аяваску :))

Я просто сообщаю, что планирую продолжить лечение за границей. По приезду – пока придерживаемся намеченных сроков, надеюсь, справимся финансово. На связи!»

Нолисса:

«Привет, братцы! Миель сейчас в диете. Знаю болиголов, сильное средство, действительно нешуточное. А врачи очень предсказуемы, мы уже сталкивались с подобной реакцией. У них круговая порука внутрицеховая, своих не подставят, остальных загнобят и всё свалят на гипердиагностику.

Будьте достаточно гибкими, для коррекции стратегии и тактики, но решительными и настойчивыми в достижении цели, не поддавайтесь на провокации и не расплывайтесь. Если болиголов дал хороший результат, посмотрите, добивайте ещё одним курсом под контролем лабораторных показателей или сколько нужно (вам там по ситуации виднее) и уже после к аяваске. Наша договорённость в силе, а сроки всегда можно скорректировать. Мы на связи.»

Письмо Нолиссе:

«С болиголовом ситуация такая: принимать 2—3 курса, т.е. в среднем 240 дней с перерывами. Я сейчас заканчиваю первый курс, после будет перерыв и как раз операция. Второй курс будет на 60 дней – до 30 капель и обратно.

С операцией, честно говоря, колебалась долго, конечно я бы продолжила болиголов.

Но тут история такая, что хирург, который будет оперировать, работает в онкоцентре до 5-го мая, потом его уволят – там свои разборки. А если уж оперироваться, то у него – мне его рекомендовали, да и подход у него щадящий. У других была, разговор короткий – удаляем все под ноль.

По приезду мы предварительно с Миелем договаривались на июнь, но пока подтвердить не могу – по деньгам не вытанцовывается. Поэтому я действительно пройду еще курс болиголова, может скорректируем сроки на осень. В любом случае, как у нас тут определится, в течение 2-х недель, я отпишусь, чтобы вам понимать планы.

По анализам, кстати, ситуация вполне нормальная, несмотря на прием ядов, тромбоциты чуть ниже нормы, но не критично, лимфоциты вообще без замечаний, лейкоциты тоже, гемоглобин как у космонавта. Так что да – не поддаюсь на провокации медиков, не расплываюсь. Тем более, что основной их шок впереди – когда откажусь от химии.

У нас есть проекты в стадии определения. Если все будет позитивно, там работы месяца на 4—5, и денежка будет на поездку.»

Нолисса:

«Хорошо, что болиголов тебя принял, продолжи работу с ним. И относись к нему не просто, как к яду. Это серьёзное растение с сильным духом. Вы же помните, Миель вам показывал это, другое отношение к растениям. Уважение к ним, доверие к ним и собственная внутренняя сила. А ещё тебя этому учили чирик сананго и аяваска, помнишь? Когда рушили твоё представление о том, как должна происходить работа в Силе, и в конце концов, ты всё-таки стала им доверять, но сама этого испугалась))) это фигня, главное-ты знаешь, как это, доверять. Уверена, что вы со всем справитесь, просто держите нас в курсе»

В отвесном падении

Нет, не сложилось никакого решения по операции. Ни того, ни этого. Ничего не сложилось. И такое состояние, будто все время падаешь. И то ли бездна не заканчивается, то ли уже паришь в неизвестности. Нет аргументов. Никаких – ни ЗА, ни ПРОТИВ. От этого как-то вдвойне противно. Умом, ну что умом? Он словно затаился, заморозился.

Не на что опереться – редкое состояние, незнакомое.

Еще имею смелость и глупость озвучивать кому-то свои «планы». И сразу внутренне съезживаюсь от возможных реакций. Да, есть такое периодически – наверно хочу поддержки, наверно жду одобрения, что я на верном пути.

И что-то такое есть, от совершенно разных людей.

Хотя средне-человеческая реакция все же про то, что я полное «ку-ку», если не сделаю так, как предлагает официальная медицина. А мне сейчас все равно, у меня ни борьбы за свое, ни сопротивления другим. Ничего сейчас не работает так, чтобы был долгожданный выдох.

Решения нет. От этого зябко, провально и темно. Продолжаю что-то делать, покупать принадлежности для больницы и операции – какие-то пластыри нужного размера, эластичные бинты и одноразовые шапочки, и что-то еще. И вроде все ведет туда, а я в тихом смятении думаю – ну вдруг... так деловито и пойду, и настанет ясность?

Знаки... Хоть бы знак какой-то. Нет ничего, слушаю сильно, всматриваюсь во все. Или нет, или не мне, или с приемной антенной что-то.

Поддержка есть. Она разная. От жизненно необходимых сейчас денег, до тихого ободряющего «Ты справишься, ты знаешь, что делать и куда идти» от нечастых теперь моих гостей.

Деньги... Они требуются сейчас, и потребуются еще, но откуда возьмется гигантская для нас сегодня сумма на мое лечение, даже не думается. Деньги растворяются в этих обследованиях-процедурах-анализах. А еще надо правильно есть, правильно думать и по возможности быть в нужном состоянии духа.

От родственников безо всякой обусловленности приходит посильная помощь – «на операцию», «на жизнь». Появляется друг моей Ляльки и просто так оставляет конверт с суммой, не спрашивая и не обсуждая моих действий. И на искреннюю мою благодарность скупко отвечает: «Это ерунда. Береги себя».

И чувствуешь легкость от того, что не надо ничего объяснять про то, что было и будет, и что бесплатная медицина конечно есть, но не в этом случае. И почему так получилось, что сегодня эта хрень привалила сразу вслед за полным финансовым провалом, и мы оказались тотально несостоятельными... Ничего не надо с теми, кто просто пришел и сделал. И это даже не мой друг, не тот, с кем пуд соли и чего-то там.

Есть и мои, их раз-два и обчелся, но они всегда рядом и, сдерживая свои тревожности, тоже просто делают. Что? Жизнь.

Есть Лялькин молодой человек – уже совсем наш родной, настолько восприимчивый и чувствующий чужую боль, что первое время после диагноза даже появиться у меня не мог – боялся своим состоянием все усугубить. Был рядом, когда моей Ляльке пришлось справляться с нахлынувшим всем – простой опорой, нерушимой стеной. Любя. Знаю, что все мои рыдали в разных углах, но в присутствии было одно – все со мной, все за меня. И если бы можно было сейчас просто насладиться этим счастьем, этим редким даром... Пусть их единицы, кто молча встал рядом, не увильнул и не слился, не заявил что-то принципиальное о себе, не выменивал свою помощь на собственную важность, признание себя и прочую хрень. Они – мои люди.

Даже девочка-врач по УЗИ, узнав немногочисленные подробности моей истории, сравнив февральский и апрельский снимки, тихо и твердо мне говорит: «Вы все делаете правильно.

Только так и надо» И никакого притворно-официозного формализма, когда я в ответ на ее вопрос о дальнейшем пути чуть-чуть рассказываю о Перу. Слушает внимательно, и в конце также твердо сообщает: «Я буду держать за Вас кулачки, и пусть у Вас все получится!»

Лялькина подруга приехала и застала меня еще в том посредственном состоянии после процедуры ОСГ.

– Это ничего, – объясняю я ей свой вид, – здесь уже прояснили, это последствия процедуры. Дальше будет по-другому. Только с операцией не могу решить ничего.

– Но Вы же неспроста год назад ездили в Перу, значит уже знаете, что Вам делать? Я вот сразу подумала, что у Вас только этот путь, так это все было своевременное. Вы узнали, работали с этим...

Три раза ДА! Сама об этом думала неоднократно. Еду, конечно еду. И пойду в этом до конца. А что сейчас? Очень тягостно ничего не мочь решить. Ну как-то думалось, что возьму только самое необходимое. Я же без войны с кем-либо, без вызова, без осуждения и разоблачения «неправильностей» медицинской системы. Просто у меня такой путь, а у кого-то другой. И казалось, что может получиться вот так – когда надо срочно и быстро, когда некогда размышлять, просто взять и сделать экстренно необходимое. А кто сказал, что «экстренно»? В этой системе координат это так.

Смотрю на своих родных, поддерживаю разговор о необходимых мелочах в больнице... Делаю все буднично, но знаю, что это не я. Отвечаю привычно на немой вопрос Дишки – ок! идем по графику. А сама пытаюсь найти в его взгляде хоть какое-то *разрешение*. Услышала как-то, что он тихо говорит маме: «Она не собирается на операцию...»

При мне делают вид, что все и правда по графику, и мой провал – тоже. Один только раз сказали оба: «Ну, это ты только сама можешь решить». А я кивнула – конечно. Но я не могу – исчезла опция «Решение».

А может, я заблуждаюсь, что можно таким путем – по чуть-чуть везде? Мне очень страшно от этой мысли. Я вроде как торгуюсь с кем-то. Пусть вырежут, а остальное я доделаю сама и по-своему. И паузу себе выделила на прием растения. Что-то упорно не сходится у меня. Нет внутри соответствия, и спокойствия нет. Тянет в разные стороны – зачем иду на операцию? Зачем иду к исцелению в Перу? И что значит моя убежденность, что мой диагноз – это только повод, разобраться надо кардинально и навсегда? Тогда операция зачем? Разбираться так разбираться, сколько хватит сил и без ожиданий, без гарантий, без доказательств – без всей этой человеческой мутовени. Если приняла, если решила что буду теперь по-другому...

Нюлиссе:

«...позволь мне тебя потеревить еще раз – проблема раздирает, не могу принять решение.

Это все по поводу операции.

Надо мне ее делать или нет – и не могу себе ответить на вопрос «зачем»?

Т.е. получается меня так захватила эта машина сразу, как только обратились к врачам, что вроде и места не было в голове для выбора – делать надо, причем срочно и все тут.

Дальше было мое решение – принимала чучуаши, как Миель сказал, потом болиголов пошел курсом, госпитализацию я отодвинула, чтобы уложиться по срокам на один курс болиголова.

Есть результат, да и принял меня, реакция медицины понятна и предсказуема.

А я для себя не имею внутреннего понимания – нужна будет эта операция в принципе или нет?

Фактор первый – конечно от сомнений и от головы «а вдруг не сработает что-то».

Фактор второй – когда все исчезнет, эти ткани надо будет все равно оперативным путем удалять, они же не станут прежними? Я так понимаю, что оно все отомрет...

И тут в накатанной колее получается, что «как бы операция» висит на затылке, а уж коли делать, то сейчас, потому что этот дядька-хирург уходит. И через пару месяцев, если что... надо начинать по-новой искать врача и т. п. Да еще и с порицанием с их стороны – куда ж без этого, я и так этого наелась – что вы тянете, вы рискуете и т. д.

С ними, понятно, не проконсультироваться по вопросу – куда деваются отмершие клетки и надо ли иссекать ткани :) Там все строго – доверься врачу и делай все, как говорит.

Если слушать себя, то скорее нет, чем да – насчет операции.

Это ведь не лечение и уж тем более не исцеление. И не хочу вторжения, и еще больше не хочу давления этой машины, которая катком идет. Я в этом центре находиться стараюсь как можно меньше – опутывает все реально.

И да, страшно, что могут быть последствия – разнесется там что-нибудь кровотоком по другим органам. И оставаться с этим тоже страшно, иногда нет-нет, да стрельнет: у тебя же не прыщик, и не грипп. Размеры были 1,9 на 1,9 см, а стали 1,72 см на 8,5 мм.

Т.е. с собственной внутренней силой провалы получаются. Скажи мне что-то дельное пожалуйста, день получается собраться, а на следующий растаскивает.»

Нолисса:

«Начнём отсюда: «... фактор второй – когда все исчезнет, эти ткани надо будет все равно оперативным путем удалять, они же не станут прежними? Я так понимаю, что оно все отомрет... И тут в накатанной колее получается, что «как бы операция» висит на затылке...»

Этот вопрос вообще не для ума практикующего доктора или пациента, даже очень умного. Если нужен на него ответ, то он скорее к учёному, обитающему среди интеллектуальных парадоксов и черпающему в них гениально простые объяснения.

Или вообще убрать это из головы и дать телу самому работать под руководством растения.

Куда всё денется, я даже предполагать не хочу, потому что есть варианты, которые обычный ум даже не рассмотрит. Был случай, когда у пациентки просто открылся свищ и наблюдавший её хирург был в шоке, потому что не мог этого объяснить, только сказал, что это самый оптимальный вариант лимфатического дренажа, который он мог бы сделать. А между тем тело сработало «само»: слило сколько нужно и закрыло свищ. Это так... вспомнила случай из жизни на тему. Так что твоё завершение этой цепочки висящей на затылке операцией совсем не однозначно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.